Людоед (сборник)

Автор:
Александр Варго

Людоед (сборник)

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Когда-то давно два охотника, Виктор и Сергей, выполняли заказ богатого клиента – раздобыть пару медвежат. Охотники выследили медведицу, убили ее, а затем вытащили из берлоги четверых сосунков. За ненадобностью двоих утопили. Тогда-то и начались странности… Жизнь Сергея начала разваливаться в хлам: от него ушла жена, особняк арестовали приставы, старшего сына задрал медведь, младшего медведь сделал инвалидом. Ничего не остается, как пустить себе пулю в лоб. Виктор, жизнь которого тоже дала серьезную трещину, снарядил ружье и отправился в заповедную тайгу – найти и убить медведя…

Александр Варго

Людоед

(Сборник)

Александр Варго

Людоед

© Шолохов А., 2016

© Варго А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

«Не убив медведя, шкуры не продавай».

«Что копал, в то и сам попал…»

Поговорки

Москва, среда, 10.32

Открылась дверь, и из комнаты буквально вывалился мужчина громадных размеров. Рыхлый живот, покрытый черными колечками волос, колыхался, словно мешок с живой рыбой. Спотыкаясь, Сергей нетвердой походкой начал спускаться на первый войтиэтаж дома.

– Ну, вот и хорошо, – пробормотал он бескровными губами, посмотрел на свои лопатообразные ладони и зачем-то вытер их о шорты-бермуды с изображением пляжа, утыканного пальмами. – Вот и хорошо, Гена. Теперь все будет зашибись, сынок.

Он икнул, вытер рот и, прежде чем войти в гостиную, взглянул на висевшее в коридоре зеркало. Усмехнулся. Зеркала были странной прихотью Анны. Его бывшая жена просто тащилась, когда на каждом углу их роскошного особняка она могла любоваться своей стройной фигурой, соблазнительной даже у сорокатрехлетней женщины, матери двоих сыновей.

Теперь, после ее ухода, эти зеркала оказались совершенно бесполезными. Более того, зачастую собственные отражения пугали Сергея, особенно по вечерам. В такие моменты даже не помогала выпивка, и ему постоянно мерещилось, что в дом кто-то пробрался… Кто-то, кто желает плохого ему и Гене, его сыну-

инвалиду.

После этого он всегда держал наготове ружье. Однажды нервы Сергея не выдержали, и он дуплетом разнес огромное, размером с человеческий рост зеркало в холле – ему почудилось, что за его спиной кралась горбатая тень, зависнув над ним, словно хищный зверь над жертвой.

Да. Теперь зеркала не нужны. Впрочем, как и весь этот гребаный дом, на который буквально несколько дней назад судебные приставы наложили арест. Только за последний год долги Сергея выросли до таких масштабов, что даже простое упоминание о цифре непогашенной задолженности бросало его в лихорадку, вызывая рвотные спазмы.

На хрен.

На хрен этот дом с зеркалами, откуда ежедневно и даже ежечасно на него пялится совершенно чужое, воспаленное лицо с ввалившимися глазами. Лицо трупа, если быть честным (по крайне мере перед самим собой).

Сергей доковылял до журнального столика, на котором стояла початая бутылка коньяка. Выдохнув, он сделал долгий глоток, зажмурился, скривив губы.

– Все будет хорошо, – снова повторил он, качнувшись. В голове появился легкий шум, и он с трудом подавил в себе желание плюхнуться на диван.

Нет, диван – это будет после. Потом…

У него есть еще одно очень важное дело.

Тяжело шаркая ногами в несвежих носках по пушистому ковру, Сергей потащился в подсобку, расположенную слева от холла. Там у него находился оружейный сейф.

Спустя несколько минут мужчина вернулся в гостиную, держа в правой руке продолговатый кейс, обтянутый буйволиной кожей. Кряхтя, он сел на диван. Задумчиво посмотрел на кейс, осторожно коснулся толстыми пальцами поблескивающих замочков, погладил шероховатую поверхность плотной кожи.

Глубоко вздохнув, щелкнул замочками. На его осунувшемся, небритом лице появилось нечто отдаленно напоминающее улыбку.

Еще бы. Мечта многих охотников. Итальянский самозарядник «Piotti Semi» 12-го калибра, сделанный под индивидуальный заказ за пять с половиной миллионов «деревянных». Прицельная планка, предохранитель и спусковая скоба мерцают серебром. На ложе позолоченная вставка с выгравированным: «Сереге, на удачу!»

Толстяк сделал хлюпающий звук, словно сглатывал скопившуюся слизь в носоглотке.

– Че-то давно я эту удачу не видел, – дрогнувшим голосом произнес он, доставая из кейса коробку с патронами. – Где ты, удача? Мать твою.

Он перевернул коробку, патроны, грохоча, покатились по глянцевой поверхности столика. Сергей нащупал один, поднес вплотную к лицу и долго изучал его, затаив дыхание, будто перед ним был не патрон, а бриллиант редчайшей красоты. Затем, словно очнувшись, моргнул, и глаза его приняли осмысленное выражение. Он поставил ружье на предохранитель, проверил затвор, взвел курок. Открыл затвор и, удерживая его за взводную рукоятку, вставил патрон в патронник через выбросное окно. Отпустил рукоятку затвора, с каким-то садистским наслаждением услышав щелчок досылаемого в патронник смертоносного жала.

– Прости, Генка, – прошептал он. – И ты, Вадик, не держи на меня зла. Анька, я люблю тебя. Люблю вас всех.

Он всхлипнул, смахнув выкатившуюся слезу.

– Простите меня!! – неожиданно завизжал он, брызгая слюной.

Оглянулся с ошалелым видом, как если бы впервые оказался в этих стенах.

– Нет. Так… нельзя…

Сергей потянулся к открытому ноутбуку. Открыл в папке «музыка» и после недолгого раздумья включил «Ленинград».

«…как обычно в жопу пьяный, возвращаюсь после пати… – тут же раздался голос Шнура. – Вижу, в подворотне баба, как-то плачет, бля, некстати…»

Сергей ухмыльнулся.

Это по-нашему. Так-то лучше, по крайней мере не так страшно.

Пальцы ухватились за горлышко бутылки, и он запрокинул коньяк, жадно глотая обжигающую нутро жидкость.

Все должно пройти зашибись. Иначе быть не может.

Иначе он не простит себе этого.

(Сереге, на удачу!!!)

Он ни за что не останется калекой. Сергей с содроганием вспомнил один мерзкий ролик, случайно просмотренный в Интернете. Кто-то снял на телефон какого-то болвана после неудавшейся попытки застрелиться путем выстрела в рот. То ли угол ствола был изначально выбран неверно, то ли рука у суицидника в последнюю секунду дрогнула, но этот дуралей остался жив. Пуля попала не в мозг, а, прошив носоглотку, вышла через лоб, практически между глаз. Он сидел на койке, тупо выпучив глаза, а из глотки и рваной дырки на лбу ручьями хлестала кровь.

«Мудак», – только и сказал тогда Сергей.

И был совершенно прав.

Он сделает все правильно. Даже если его нога дрогнет (он будет нажимать на спусковой крючок пальцем ноги), пуля 12-го калибра, способная свалить кабана, вряд ли оставит ему шанс, как у того придурка-неудачника в ролике. Даже если ствол слегка изменит угол. Его затылок вылетит, как пробка из-под шампанского.

Сергей снял заскорузлый носок с правой ступни, мрачно подумав, что больше никто его никогда не постирает. Как и его брата-близнеца на левой ноге. Ха-ха. Смешно, просто обоссаться можно.

«…И сказал я ей тогда, поправляя шапку… Главное – чтоб х… стоял и водились бабки!» – залихвастски пел Шнур.

Он услышал, как хлопнула дверь, затем в холле послышались быстрые пружинистые шаги.

Сергей, уже собравшись было засунуть в спусковую скобу большой палец ноги, замер. Лоб, изрезанный ранними морщинами, покрылся крупными каплями пота.

– Кто там? – напряженно выкрикнул он. Вскинул ружье на изготовку. Когда в дверях показалась знакомая фигура, он облегченно вздохнул:

– Витя, хрен тебе в дышло… Ты меня напугал, гаденыш.

– Привет, Серега, – спокойно приветствовал гость. Он бесшумно вошел в гостиную, прислонившись к стене. Между указательным и средним пальцами мужчины тлела сигарета. Он окинул Сергея быстрым цепким взглядом, мгновенно улавливая и анализируя ситуацию.

– Судя по всему, у тебя в доме можно курить, – резюмировал Виктор.

– Можно, Витя, – нервно хихикнул Сергей, вытирая влажный лоб, и Виктор, продолжая смотреть на приятеля, стряхнул пепел прямо на ковер. Рот толстяка открылся, намереваясь осадить хама, но тут же захлопнулся, как массивный сундук.

– Кури. Это все равно уже не мое. Я банкрот.

Он перевел взгляд на ружье, и по его бледному изможденному лицу проскользнула смутная тень. Подняв глаза на курившего друга, он выдавил:

– Я слышал про твою Сашку. Соболезную, парень.

– Спасибо. Что уж теперь.

Тон Виктора был прохладно-сонным, со стороны могло показаться, будто он нехотя отвечает прохожему, который час.

– Она… – Сергей с трудом сглотнул вязкую слюну. – Она не мучилась?

Брови визитера приподнялись.

– Меня там не было, – последовал ответ. – Думаю, что мучилась. Наверное, даже первоклассник знает, что когда тебя рвут на части живьем, это больно. Это очень больно, Сережа. И страшно.

– Ммм… ну да, – промычал толстяк, почесав щетинистый подбородок. – Прости. Слушай… давай начистоту. Зачем пришел, Витя? Не обижайся, но я не ждал гостей.

Щелчком ногтя Виктор послал недокуренную сигарету на пол и тут же растоптал ее ботинком. Пытливо всматриваясь в блеклые глаза товарища, он медленно проговорил, выделяя каждое слово:

– Я хочу поехать туда. Едем со мной. Еще не все потеряно.

Сергей поднял ружье, прицелившись в огромную фотографию на стене, на которой он был запечатлен рядом с убитым лосем. Тогда его физиономия была розовой и довольной, как у Мальчиша-Плохиша из сказки. Виктор проследил за его взглядом.

– Так что? Я сегодня же вылетаю в Красноярск. Завтра вечером мы будем в Тайшете, – сказал он.

– В Тайшете, – зачем-то повторил за ним Сергей, продолжая целиться. – Пиф-паф! Все убиты!

Он улыбнулся улыбкой идиота, но Виктор словно не замечал поведения друга, продолжая буровить его ледяным взором.

– Зачем тебе ружье? – наконец спросил он.

– Просто так. Захотел проверить, – пряча глаза, отозвался Сергей.

– Коньяк с утра… «Лениград»… Срач кругом.

Виктор покачал головой, и в его пальцах появилась новая сигарета.

– Нервничаешь? – вдруг прищурился Сергей. Виктор проигнорировал вопрос.

– Ты сам должен во всем себя винить, – сказал Виктор, прикуривая, и толстяк сплюнул, попав слюной на клавиатуру ноутбука.

– Иди-ка ты своей дорогой, Витя, – с едва сдерживаемой ненавистью процедил Сергей. – Пока я нечаянно на спусковой крючок не нажал.

– Помнишь, как мы охотились, дружище? – заговорил Виктор. – Сколько раз мы с тобой в переплет попадали? В лесу под дождем ночевали?

– Заткнись, – тяжело дыша, прервал его Сергей. – Если ты решил разбудить мою совесть, ты опоздал.

– Помнишь медвежат? Маленьких медвежат, Сережа? Четыре штуки? Четыре крошечных шерстяных теплых комочка с коготками?

Голос Виктора плавал и растягивался в пространстве, он убаюкивал, но грядущий сон был подобен смерти, и Сергей не мог больше этого выдержать. Ему казалось, что Виктор зачитывает смертный приговор.

– Я тебе сказал убираться! – заорал он. Толстяк прицелился в приятеля, но тот даже бровью не повел.

– Ты хоть понимаешь, что мы натворили тогда, Серега? Ты понимаешь, что все, что случилось, – звенья одной цепочки? – тихо поинтересовался он. – Мою дочь порвали, как газету. Ее собирали по всей поляне. У тебя погиб сын. А ты…

– Пожалуйста, уходи, – взмолился Сергей. – Уходи, Витя. Иначе я за себя не отвечаю. И никуда я не поеду. Я не верю во всю эту лажу. Это все долбаное совпадение. Подножка судьбы. Удар в спину.

– Нет никакого удара в спину, – зашипел Виктор. Он смял и растер ладонями недокуренную сигарету. – Есть мертвые дети. Наши дети, Сережа. Дошло до тебя, осел безмозглый?! Собирай манатки! В душ и быстро в аэропорт!

Сергей махнул пухлой рукой, словно прогоняя назойливую муху:

– Витя, ты сбрендил. Никаких тайшетов-шмушетов. В задницу.

– Отлично. Ты, гляжу, для себя уже выбор сделал? – с этими словами Виктор ткнул пальцем в ружье.

Сергей ничего не ответил, а лишь вытер обильно потеющее лицо.

– Хороший выход из ситуации, – заметил Виктор. – Костюм только забыл надеть. Записку хоть оставил перед смертью?

– Это не твое собачье дело, – огрызнулся Сергей. Ему стало душно, на грудь давило, будто его грузное тело медленно, но неумолимо сдавливал невидимый стальной обруч.

– Ты трус! – неожиданно рявкнул Виктор. – Врешь самому себе, даже когда все зашло так далеко! Слышишь меня? Смотри на меня, Сережа! У тебя остался второй сын! Ради него! Одумайся!

Сергей визгливо расхохотался.

…и никуда я не поеду, и в Союзе хорошо.

Везде мне стопочку нальют,

В какой кабак я ни зашел.

Ведь все равно же все умрут, без разницы – там или тут… —

невозмутимо разглагольствовал Шнур.

Виктор, не меняя выражения лица, шагнул к столу и одним ударом ноги смел со стола ноутбук.

«Все отлично, супергуд…»

Только когда корпус портативного компьютера хрустнул под подошвами ботинок Виктора, лидер «Ленинграда» умолк.

– Нет у меня никого. Понял? – шепотом произнес Сергей.

– А как же Гена?

На этот раз Сергей выдержал взгляд старого друга.

– Нет больше Гены. Так вот. Можешь сам посмотреть. Он у себя, на втором этаже.

Брови Виктора сдвинулись к переносице. Развернувшись, он чуть ли не бегом направился к лестнице.

«Что ты с ним сделал, ублюдок?» – пронеслась у него мысль.

– Гена! – позвал он.

Из гостиной раздался хохот Сергея, и Виктору пришло в голову, что в этих звуках уже не осталось ничего человеческого.

Поднявшись на второй этаж, он метнулся к комнате сына Сергея. Распахнув дверь, застыл на месте. Прямо посреди помещения в инвалидной коляске сидел юноша субтильного телосложения. Он был одет в спортивный костюм. Поза молодого человека была скрюченной, как увядший цветок. На голове полиэтиленовый пакет.

– О, нет, – простонал Виктор.

Он сорвал пакет, обреченно глядя на посиневшее лицо. Глаза подростка закатились, обнажив мутные белки, изо рта торчал кончик багрового языка, напоминая дохлую пиявку.

Щупать пульс не было смысла. Парень был мертв.

Как только Виктор вышел из комнаты, внизу прозвучал выстрел.

Иркутская область, Тайшетский район, пятница, 13.09

Стреляя пробитым глушителем, помятая «Нива» остановилась на небольшом подъездном пятачке, расположенном у самого берега реки. Автомобиль был покрыт таким слоем застарело-присохшей грязи, что ее впору было откалывать с помощью стамески и молотка. Из машины вышел высокий мужчина. Водитель открыл багажник и извлек из чрева «Нивы» небольшой рюкзак камуфляжной расцветки и зачехленное ружье.

– Удачи, – обронил водитель, лениво жуя зубочистку. Мужчина лишь кивнул в ответ. Накинув рюкзак и ружье на плечи, он стал спускаться по вытоптанной тропинке вниз, к крошечному причалу. На прозрачно-синей воде вальяжно покачивалась пришвартованная к причалу моторная лодка, на борту которой виднелось затертое: «Южанка».

Свесив ноги, на причале сидел сухопарый мужчина лет шестидесяти в потертой куртке из шинельного сукна. Задумчиво глядя на сонно проплывающие облака, он курил. И делал это неспешно, со степенной уверенностью, уверенностью человека, у которого все под контролем.

– Олег Шибаев? – негромко позвал мужчина, которого привезла «Нива».

Сидящий на причале слегка повернул голову, приподняв козырек выгоревшей на солнце кепки.

– Он самый.

Не дожидаясь ответа, он резво поднялся на ноги. На нем были зеленые охотничьи штаны «карго» из водоотталкивающего материала с множеством

карманов, ноги обуты в кирзовые сапоги с обрезанным голенищем. – А вы, нужно полагать, Виктор Смолин?

– Совершенно верно, – подтвердил Виктор. Они пожали друг другу руки. При этом у Смолина возникло ощущение, что его пальцы стиснули шершавую доску, настолько была задубелой кожа ладони Олега.

– Шибаев Олег Константинович. Егерь Тайшетского лесничества, – уточнил он. – И можно просто Олег.

Голос егеря звучал хрипло-простуженно, как если бы он страдал хроническим гайморитом. Он затушил окурок прямо об мозолистую корку ладони.

– Мне звонили по вашу душу, – промолвил он. – Сказали, нужна помощь.

Виктор прищурился.

– Можно на «ты».

– Не вопрос. Так чем обязан? На зверя сходить?

Олег указал на зачехленное ружье Виктора.

– Не притащился же ты из Москвы сюда, чтобы на места здешние посмотреть да в Бирюсе искупаться?

– Угадал. На зверя сходить. А красивые места я в Интернете могу посмотреть.

Смолин поставил рюкзак на рассохшиеся от времени и непогоды доски.

– Мне сказали, ты старожил. Знаешь каждый куст здесь.

– Предположим, – спокойно ответил егерь. – Что с того?

Виктор выдержал небольшую паузу, словно собираясь с мыслями.

– Я приехал за медведем.

Несколько секунд они изучающе смотрели друг на друга, словно взвешивая, насколько каждому из них можно доверять.

– Ты так говоришь, будто невесту выбирать приехал, – наконец произнес Олег. – Ну, положим, медведь в наших краях есть. Не великаны, как на Камчатке, но и не задроты лилипутские, прости меня, господи.

– Размер не важен, – ухмыльнулся Виктор. Он сцепил пальцы в замок, похрустев костяшками.

– Да? Хм.

Егерь озадаченно скрестил на груди свои загрубевшие руки. Он не мог не обратить внимания, что под внешним невозмутимым спокойствием его гостя из столицы угадывалось плохо скрытое напряжение. Глядя на этого странного мужика с колючими глазами и холодной ухмылкой, Шибаев внезапно подумал о гоночном болиде с неисправными тормозами. Да, он разгонится, мама не горюй, и будет лететь так, что в ушах свист будет стоять, но итог будет закономерным – страшный удар, авария, вспышка пламени, может, даже взрыв. А если этот гроб на колесах влетит в толпу, то будут трупы. Много трупов.

– Тогда один вопрос. Ты сам-то на медведя ходил, Виктор? – задал он вопрос.

– Нет.

Егерь вздохнул.

– Более того, – Виктор откашлялся, – последний раз я охотился лет десять назад, на лису.

– Лиса малехо отличается от медведя, – заметил Олег не без сарказма.

– Я в курсе. Что ж, проведешь инструктаж. За это я тебе и плачу деньги.

– Ясное дело, – не стал спорить Шибаев. – А ну, расчехли ствол.

Помедлив, Виктор вытащил из чехла карабин и протянул его егерю.

– Ого, – присвистнул тот, разглядывая оружие. – «Browning BAR»? Бельгия?

– Именно. Калибр 9,3Ч62.

– И оптика имеется? – не поверил егерь.

– Четырехкратная «Meopta». На медведя сойдет?

Направив ствол в доски причала, Олег, убедившись, что патронники пусты, вскинул карабин, прицелившись куда-то в небо. Потом одобрительно цокнул языком.

– Сойдет.

Он вернул оружие Виктору и выудил из нагрудного кармана куртки ириску.

– Будешь?

Смолин покачал головой. Когда он зачехлял карабин, по лицу скользнула легкая досада.

– Вижу, торопишься, – сделал вывод Олег, внимательно наблюдая за клиентом. Развернул конфетку, отправив ее в рот. – Торопиться не надо. Спешка требуется при ловле блох. Юма!

За спиной раздался лай, и Виктор обернулся. К причалу большими скачками неслась крупная лайка серого, волчьего окраса.

– Ты насколько сюда? – полюбопытствовал егерь, погладив собаку.

– До двадцать второго. На неделю, в общем, – пояснил Виктор.

– Семь дней, – пробормотал Олег. – Что ж… Инструктаж, говоришь? Лады. Итак, первое – ружье. Правила безопасности и все такое. Ты не пацан уже, так что никакого раздолбайства. Относись к своему стволу так, будто он у тебя всегда заряжен. Ты всегда должен знать, где твой ствол и патроны и сколько их у тебя. Понял? Второе. Никакого самоуправства. Отлучаешься из лагеря – сообщи. Мобильники тут не действуют, связи нет. У меня есть портативные рации, я дам тебе одну. Кроме рации, в тайге можно пользоваться свистком.

– В сортир тоже ходить по разрешению?

Олег хмыкнул:

– Тоже. Здесь тебе не зоопарк на колесах, а тайга. На чем я остановился? А, ну да. Жрачку на открытом месте не оставлять. Только герметичные контейнеры, иначе на запах косолапый придет. Ну, в общих чертах все. Ты, кстати, служил?

– Не вижу никакой причинной связи с охотой, – бросил Виктор, но егерь, похоже, не обиделся.

– Со служивыми проще, – объяснил он.

– Если тебе это так важно, то служил. И даже дорос до сержантских погон.

– Вот и хорошо, – похвалил Шибаев. Он легонько подтолкнул собаку, и она спрыгнула в лодку.

– Давай, залазь, – велел егерь Виктору.

Когда все было готово, Олег снял петлю троса с кнехта, закрепленного на причале.

– Отдать швартовы, – скомандовал он сам себе вполголоса, заводя мотор. Потом повернул голову к мужчине: – Сегодня программа-минимум – обустройство. Я покажу тебе окрестности, посмотришь, что к чему. Нужно прибраться, осмотреться. Потом проверим медвежьи тропы. Надеюсь, как на медведя ходят, ты знаешь? Хоть в теории?

Смолин молчал.

– Хорошо. Краткий ликбез. Поговорку знаешь? Закон – тайга, прокурор – медведь. По сути, у него нет врагов в природе. Ну, разве что лось может с ним постязаться. Нельзя считать этого зверя тупым и ленивым. Медведь запутывает следы так, что можно весь день без толку кружить по лесу. Сила укуса у него – все равно что под танк твою руку положить. Были случаи, косолапый ружья перекусывал, как зубочистку. Чуешь, что тебе светит, если на узенькой тропке с ним доведется встретиться? Когти у взрослого зверя вырастают до десяти сантиметров. Может передвигаться со скоростью до 50 километров в час. Он одним ударом ломает хребет корове и секачу! Поэтому, когда собираешься идти на медведя, будь готов, что сам можешь быть убитым.

– Оптимистично, – съязвил Виктор, но егерь не обратил внимания на шпильку.

– Есть несколько вариантов. Медведя берут на берлоге, на овсах (на овсяном поле, то есть), с подхода, на приваду[1 - Приманивание, прикармливание зверя к месту предполагаемой на него охоты (прим. автора).] и прочее.

Сейчас август, медведь, как известно, ляжет спать не скоро, так что берлога отметается. Овсяные поля тут есть, но немного, да и не каждую ночь медведь туда ходит. Можно неделю просидеть и не дождаться зверя. Поэтому остановимся на приваде. Знаешь, как это?

– Примерно.

– Примерно? – переспросил Олег.

«Ты стрелять-то вообще умеешь, сержант?» – подумал егерь, глядя на холеные руки столичного гостя. Они были с белой и гладкой кожей, ногти ровные, аккуратно подстриженные, без единого заусенца. Не то что корявые лапы Шибаева – жилистые, с мозолисто-огрубелой кожей и въевшейся намертво пылью. Но егерь не стеснялся своих рук. У него была простая философия – каждому свое. Он этими руками избы и бани строит, а этот «сержант» наверняка штаны в офисе протирает, бумажки с места на место перекладывает. Еще вопрос, от кого из них пользы больше.

«Южанка» вырулила на середину Бирюсы и, рассекая волны, понеслась вперед. Юма смирно сидела на месте, изредка фыркая и мотая носом, когда на собаку попадали брызги.

– Куда мы едем? – спросил Виктор.

– Это моя забота, – нехотя откликнулся Шибаев.

– Нет, не только, – неожиданно сказал Виктор.

Егерь изумленно моргнул.

– Не понял, – медленно проговорил он. – Я уже запутался. Кто тут к кому приехал?

– Я. Я, Олег, – тихо сказал Виктор. – Я приехал к тебе. И мне нужна твоя помощь. Но только мы поедем в то место, которое я назову. Это мое условие. Единственное.

– Ни хрена себе, – усмехнулся егерь. Он сбросил скорость, а потом и вовсе выключил двигатель. Лодка медленно покачивалась, постепенно увлекаемая течением. – Может, сам за руль сядешь?

– Нет. Но мы поедем к Вороньему мысу.

Олег шумно выдохнул.

– Куда-куда?

– Ты слышал. Мне нужен Вороний мыс. – Виктор приблизил свое лицо к Шибаеву. – Ты меня понимаешь? Только не делай вид, что не знаешь, где это.

– Я знаю, где это. Это не ближний свет. Отсюда более ста километров, за Усть-Кайтымом.

– Спасибо за справку, я карту тоже видел, – так же тихо проговорил Смолин.

– Туда плыть охренеешь, – продолжал упираться егерь. – Там сплошные пороги и перекаты! В лесу непроходимые чащи и буреломы! Да и зверь осторожный. Медведей там, кстати, редко видели. Зачем тебе такие геморрои, сержант? Тут в двадцати километрах отличное место… Рядом пойменное озеро, водичка как слеза… Че ты рогом уперся в этот Вороний мыс?

– Я заплачу тебе сверху, – перебил его Виктор. – Пятьдесят тысяч. Плюс топливо. Тебе хватит на дорогу? Или придется заправляться?

Егерь задумался. Его узловато-корявые, потемневшие пальцы неторопливо барабанили по рулю.

– Бензином я запасся, – нехотя ответил он. – За него, конечно, отдельный расчет. Но имей в виду. Вороний мыс – это тебе не пансионат с трехразовым питанием. Никакой романтики там не будет.

Ответом ему была ухмылка.

– Да черт с ним. Я заказываю музыку, Олег. А про медведей ты мне сказки не рассказывай. Они там есть.

Но егерь все еще медлил с ответом. Лодку продолжало плавно крутить по реке, и Юма с беспокойством гавкнула, мол, хозяин, в чем заминка? Поехали!

– Если мы уложимся в срок, я накину еще двадцатку, – пообещал Смолин.

– Хорошо, не вопрос, – согласился егерь. Он повернул ключ зажигания, и двигатель вновь затарахтел.

– Мне нужна гарантия, что у тебя есть эти деньги, – не глядя на Виктора, заявил Шибаев. Виктор понятливо кивнул и достал из внутреннего кармана охотничьей разгрузки кошелек из черной дубовой кожи. Раскрыл его, демонстрируя плотную стопку пятитысячных купюр.

– Убедился?

– Ты псих, – фыркнул егерь. – Хрен поймешь вас, городских. Ладно. Мне нужно позвонить помощнику, чтобы прикорм вез на Вороний мыс. Ему тоже накинешь за дорогу.

Они больше не разговаривали. Лицо егеря было задумчивым, он словно погрузился в воспоминания. Морщины, взрыхлившие его загорелый лоб, стали еще глубже. Он поправил кепку и плотнее сжал и без того узкие губы.

Виктор же, наоборот, выглядел полностью умиротворенным. Он напоминал студента, каким-то чудом сдавшего экзамен без предварительной подготовки.

Ни один из них не обратил внимания, как над рекой, бесшумно взмахивая крыльями, летел громадный ворон. Он не опережал и не отставал, будто намеренно старался держаться одинаковой скорости с лодкой. Только лишь когда река повернула направо и за мелколесьем высоченной стеной вырос сосновый бор, птица исчезла среди ветвей.

Там же, пятница, 18.49

Они увидели Вороний мыс, когда солнце медленно накалывалось своим малиновым боком на верхушки исполинских елей.

Егерь спрыгнул с лодки, оказавшись по колено в воде.

– Вылезай, сержант. Надо вытолкать наш «Титаник». Как видишь, пришвартовываться тут негде. Юма, на выход!

Лайка, услышав команду, мгновенно выпрыгнула в воду и, добравшись до берега, принялась носиться взад-вперед, что-то выискивая.

– Молодая еще, не набегалась, – прокомментировал Шибаев.

Когда лодка оказалась на суше, мужчины выгрузили вещи. Олег опустился на одно колено, дотронувшись своей грубой ладонью до влажного песка.

– Ну, здравствуй, – едва слышно промолвил он.

Смолин закинул рюкзак на плечо.

– Куда идти?

– Обожди, – сказал егерь, поднимаясь. – Давай перекурим.

Достав из кармана замусоленную пачку сигарет, Шибаев чиркнул спичкой и выпустил в воздух дым. Помешкав, Виктор присоединился к нему.

– Елы-палы, меня тут год не было, – произнес егерь. – А такое ощущение, что несколько жизней прошло.

Виктор промолчал.

С возрастающим интересом Шибаев смотрел на москвича.

– Вот гляжу на тебя и поражаюсь, – не выдержал он. – Ты выбрал самую глухомань для охоты. За всю дорогу ты не спросил меня, где мы будем жить. Не спросил, что мы будем жрать и пить. Где будем кемарить. Тебе плевать на все это?

– Честно говоря, да, – краем рта улыбнулся Виктор. – Кое-что из еды я взял с собой. Палатка у меня есть. Думаю, вода тоже найдется, а нет – будем кипятить речную.

– Во как, – стряхивая пепел, усмехнулся егерь. – Значит, не такой уж ты и белоручка, да?

– Ага.

– Хочешь взять медведя?

– Для этого я здесь.

Олег затянулся и, наклонившись, закопал окурок в песок.

– Да, кстати. – Он покосился на тлеющий окурок в руке Виктора. – Если ты хочешь добыть медведя, на время придется забыть о сигаретах, – сказал он. – Идем. Юма, рядом!

Взвалив на себя рюкзак с сумкой и ружьем, егерь, тяжело ступая, направился к лесу. Лайка бежала рядом, резво помахивая хвостом.

– Тут в паре километров за ельником заимка стоит, – бросил он. – Изба то есть. Так что считай, повезло тебе. Палатка не понадобится.

Ветки били в лицо, будто норовя выцарапать глаза, пахло хвоей, грибами, кедром и свежей прохладой. Виктор дышал полной грудью, с непривычки ощущая легкое головокружение. Под ногами пружинила земля и хрустели ветки, из-под подошв армейских ботинок то и дело прямо выскальзывали небольшие лягушата, в ветвях перепархивали птицы, заливаясь звонким щебетом.

«Я в сказке» – эта мысль поднялась в сознании Виктора наподобие малюсенького пузырька в сосуде с водой.

Да. Только каков будет конец у этой сказки?

«Сказка с несчастливым концом… Странная сказка…» — вспомнил он незабываемые слова Цоя.

Перед глазами на мгновение замерцал образ погибшей дочери.

Сашка.

Он отчетливо видел ее широко распахнутые васильковые глаза, задорный блеск которых вскружил головы не одному десятку парней, ее милую, открытую улыбку и ямочки на щеках, такие родные и трогательные, и боль, дремавшая внутри, очнулась, словно озлобленная старая тварь, выпуская наружу кривые когти.

(Ты виноват.)

«Ты виноват. Ты виноват», – прокатилось в мозгу кривляющееся эхо.

«Нет! Это все Сергей! – хотел закричать Виктор. – Я ничего не знал тогда!»

Эхо умолкло. Исчезло и видение Саши. Как и она сама, которую он похоронил полтора месяца назад.

Он стиснул зубы.

Через несколько минут они вышли не небольшую прогалину.

– Вон и наше жилище, – пропыхтел Шибаев, указывая на просевшую в землю избу с двухскатной крышей. – Шампанского с бассейном не обещаю. Но все необходимое там есть.

Для того чтобы войти внутрь дома, пришлось согнуться вдвое. Дощатый пол скрипел под ногами, после каждого шага в воздух взметалось серое облачко пыли.

– Обустроемся, будь здоров, – деловито проговорил егерь, сваливая рюкзак. – Только сначала за водой сходим. Да, и это… Если клапан придавит – в комнате ведро. За домом яма компостная, весь свой внутренний мир туда сваливай. Только закопать не забудь, нам мухи не нужны. Лопата в сенях.

Виктор огляделся. В избе все было какое-то миниатюрное, нелепо-кукольное – низенький стол, лавочка, лежанка, на которой можно уместиться, разве что прижав колени к животу, крохотные полки, покрытое пылью оконце было настолько маленьким, что в него едва пролезла бы голова… Со стороны можно было подумать, будто этот дом строили не люди, а гномы.

– Надо же, – бубнил между делом Шибаев, деловито обследуя полки. – Консервы есть, гречка, рис, перловка… Соль, лавровый лист… Даже масло подсолнечное осталось! – воскликнул он. – Как говорится, шумел камыш, деревья гнулись.

Он выставил запасы на стол, скрупулезно все пересчитал и убрал обратно.

– Неписаный закон тайги, сержант, – сообщил он. – Зашел в гости, переночевать или просто дождь пересидеть – оставь что-нибудь. Таким же, как ты сам. Хотя… – он почесал за ухом, – человек тут редко показывается.

Он принялся перебирать содержимое рюкзака, часть предметов выкладывая на лежанку. Бинокль, фонарь, рации с запасными аккумуляторами, фляги, спички, мыло…

– Я прогуляюсь к воде, – сказал Виктор. Он поглядел в окно – до наступления темноты еще было время.

– Не уходи далеко, – буркнул Шибаев. Освободив рюкзак, он принялся чистить печку.

Повесив на плечо карабин, Смолин вышел наружу.

Через несколько минут он был на берегу реки. Внимательно осмотревшись, он двинулся вверх по течению Бирюсы. Если ему не изменяет память, он всего в паре километров от того самого места… Когда они плыли сюда, он обратил внимание на заросший мхом валун, нависший прямо над водой. За эти шестнадцать лет в жизни исполинского камня ничего не изменилось. Ветер, дождь. Солнце, снег. И так по кругу. Камень привык.

– Да. Ты и не заметил этих лет, – вслух пробормотал Виктор. Вскоре за поворотом он увидел огромный валун. Издалека его можно было принять за склонившегося к воде медведя.

«Но за это время сильно изменилась моя жизнь. И моего приятеля Сереги. Бывшего приятеля», – про себя поправился он.

Дойдя до камня, окруженного зарослями тальника и осокой, мужчина остановился. Посмотрел на темнеющий лес. Пение птиц прекратилось, и он уже не выглядел таким приветливо-жизнерадостным, как когда они направлялись с Олегом к избе.

Теперь лес словно предупреждал.

Не суйся, парень.

Однажды ты уже совершил ошибку.

Внезапно Смолина охватило ощущение беспомощного одиночества. Он чуть ли не с презрением посмотрел на ружье. Что это, зачем? Разве этот кусок железа поможет ему, если все силы природы решили наказать его?!

«Это была дурацкая затея, – подумал он. – Не нужно было сюда ехать».

(Это все долбаное совпадение. Подножка судьбы. Удар в спину…)

Слова Сереги прозвучали в мозгу громко и отчетливо, отчего по телу прошла дрожь. Эх, Серега, Серега…

Между тем ноги сами понесли его в лес. Глаза мгновенно подмечали малейшие приметы, которые тогда зафиксировал мозг, и Виктор не сомневался, что движется в правильном направлении. Вон справа две толстенные березы, расположенные так близко друг к другу, словно собираются обняться. По левой стороне заросли смородины…

В горле появился ком, когда он увидел впереди холмистую возвышенность, покрытую валежником. На негнущихся ногах он поднялся на холм, оглядевшись. Чуть левее вповалку чернели трухлявые стволы деревьев. Осторожно пробираясь среди бурелома, Виктор наконец остановился у небольшого углубления, забросанного сухими еловыми ветками и рваными клочьями мха. Сердце охотника бешено заколотилось, во рту появилась неприятная сухость.

Он присел на корточки, не веря своим глазам. Боже, неужели это то самое место?!

– Ты куда это забрался, сержант? – раздался за спиной простуженный голос Олега, и Смолин от неожиданности вздрогнул. Он выпрямился, повернувшись лицом к Шибаеву, при этом неприятно поразившись – пожилого егеря буквально трясло от негодования.

– Я что тебе говорил? Никакого самоуправства! Тут старожилов медведь рвет, как тряпку, а ты? Выпустит кишки и лапником прикроет! Смотри сюда!

С этими словами егерь ткнул пальцем в ольху, с которой была содрана кора.

– Оглянись! – продолжал кипятиться егерь. – Тут повсюду медвежьи метки! Что, на охоту невтерпеж?! Героем себя возомнил?

Он шагнул к Виктору, и его взор уперся в закиданное ветками углубление.

– Ты знал об этом? – вдруг спокойно спросил он. – Знал про берлогу?

– Я был здесь, – с усилием выдавил Смолин. Задев плечом егеря, он направился к реке, однако на мгновение остановился, негромко произнеся: – На своих детей ори. Или на жену.

Егерь, помедлив, зашагал следом.

– Подожди.

Виктор резко развернулся, и Шибаев чуть не налетел на мужчину.

– Чего тебе? – с мрачным выражением лица спросил Смолин.

– Ты что-то недоговариваешь, сержант, – насупившись, сказал егерь. – Мне не нравится это. Я с тобой не в домино сел играть.

– Я был в этом месте, – повторил Виктор. – Не совсем удачно… хм. В общем, охоты не вышло. Я дал себе слово, что добуду медведя. Именно здесь. И ты прав. Я запомнил эту берлогу.

– Дал слово? – с усмешкой переспросил Олег. – Ты кого обмануть-то хочешь?

– Я никого не обманываю. Я приехал на охоту. Ясно? Чего тебе еще?

Глаза Виктора сверкнули, и Олег, намеревавшийся что-то сказать, промолчал.

Некоторое время они шли, думая каждый о своем. Вороний мыс постепенно окутывали сумерки. Лишь изредка тишина прерывалась всплеском рыбы на реке да уханьем совы в чащобе.

На лоб Смолина присел комар, и тот мгновенным хлопком ладони раздавил насекомое.

– Что, комарики? – с деланым участием полюбопытствовал Олег. – Прилетели на воздушном шарике? Да, гнус тут знатный. Мокрец, мошка… Особо мошка злющая – она не кусает, как комар, а как бы выгрызает ранку. Только березовый деготь и спасает! Имей в виду, когда будешь в засидке торчать, комарья там – будь здоров! Всю рожу облепит. Только вот хлопать там по морде нельзя будет. Тем более всякой херней брызгать против мошек. Запах спугнет медведя, и он не придет на приваду. Он сломанный сучок за сто метров слышит.

– Послушай, Олег, – подал голос Виктор, решив сменить тему.

– Ну?

– А почему ты отговаривал меня сюда ехать? Ведь я видел, что дело не в расстоянии. И про буреломы со зверьми ты плел… Они, конечно, есть, но передвигаться по лесу можно. В чем дело-то? Или ты чего-то боишься?

– Странный ты, – после небольшой паузы хмыкнул Шибаев. – Сам темнишь что-то, а ко мне в душу лезешь.

– Я знаю, что народ не особо рвется сюда ехать. Верно?

Олег задрал голову, словно не слыша вопроса.

– Смотри, сержант. Видишь? Ветер гонит кучевые облака к северо-западу. Значит, в ближайшие дни будет хорошая погода.

– Ты не ответил, – наседал на егеря Смолин, и тот качнул головой.

– Видишь ли… Постараюсь объяснить на пальцах. Каждый организм имеет свои органы. Зрение, слух, обоняние… чуешь? Легкие. Мускулы. Сердце. Душу, в конце концов. Вороний мыс издавна считался душой тайги. Зверь, конечно, тут есть. И зверь, и птица, и рыба. Все есть. Вот только бить его нужно осторожно. Такой уж негласный обычай здешнего края. Каждый местный охотник это знает. Он никогда не сунется сюда без крайней нужды. Одно дело – тебе жрать нечего,

детей кормить надо. Весь добытый трофей у тебя идет на дело – мясо, жир, шкура, рога и прочее. То же самое, когда зверь сам на тебя напал и ты оборонялся. Убить его тогда не грех. Ты бьешь животину не ради развлечения, а по необходимости.

Он пнул ногой шишку. Вынул из куртки очередную ириску, развернул, бросил кофейного цвета кирпичик в рот.

– И совсем другое дело – фраеры вроде тебя. Городские понтовщики со стволами, которые дороже иной машины стоят. Которые едут сюда погужбанить, расслабиться. Побухать, пострелять, костры пожечь. И по ходу дела шкуру с рогами заиметь, а то и целое чучело. Они едут к нам не как в гости, а как в курилку, прости господи. Знаешь, как бывает? Подымил, по матери выругался, захаркал все вокруг, да еще бычок мимо урны кинул. Хорошо еще, что ума хватило не обоссать все вокруг напоследок. Теперь чуешь разницу?

После этих слов черты лица Виктора закаменели, и егерь это заметил.

– Ты морду не вороти, сержант. Может, ты и не такой. Но поверь, я редко ошибаюсь. Почти все, кто из центра к нам ездит, как раз именно такие, как я и сказал. К чему все я это. Ходит поверье, что кто убьет зверя в местах тутошних ради потехи, то беда с ним будет. Чуешь? – Он хлопнул по спине Смолина. – Без души сердце все равно как неживое. Холодное, почти как мертвое. Поэтому на Вороний мыс редко кто охотиться ездит. Берегут, значит, душу таежную. Потому как без души от тела проку никакого. Без души тело все равно как бревно.

– Но ты согласился, – напомнил Виктор. – Ты привез меня сюда. Значит, для тебя деньги важнее принципа? Важнее традиции?

– Молодец, знаешь, за какие ниточки тянуть, – засмеялся егерь. – Все мы грешны, сержант. И я в том числе. Хочешь правду? Пожалте. Жена моя, Дарья, болеет давно. Гадость у нее какая-то в голове выросла, прямо посреди мозга. Опухоль, значит. Куда только не возил ее, какие только анализы она не сдавала. Мучается, бедняжка.

Виктор внимательно слушал Шибаева, не перебивая.

– И вырезать эту гниль поганую никакой возможности нет, не рискуют врачи, – посетовал егерь. В его голосе засквозила тоска. – Умереть она может. А на днях вообще сказали… Год, от силы два ей осталось. Чуешь?

– Чую, – инстинктивно ответил Смолин.

– И ведь самое главное – внешне все нормально. А внутри… зараза смертельная растет. И с каждым днем все больше и больше.

Егерь махнул рукой.

– Возможно, за границей твоей жене могли бы сделать операцию, – предположил Виктор, но егерь лишь выдавил кривую усмешку:

– Да, был разговор о загранице. В Израиле типа могли попробовать. Немцы хорошие хирурги опять же. Только мне такую цену заломили, сержант, что я двадцать жизней проживу, не соберу этих бабок. Но зато я могу исполнить мечту Дашкину. Как говорится, не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней.

Виктор бросил на егеря быстрый взгляд.

– Мечту?

– Хочет она в океане поплавать. Не в море каком-то зачуханном, а в настоящем океане. Ни разу нигде не были за всю жизнь, веришь? Хочу вывезти ее, пока не поздно. У нас уж и паспорта готовы…

– Вывезешь, – сказал Смолин, глядя перед собой. – Если медведя возьмем, я тебе еще накину.

Он подумал о своей жене, оставшейся в Москве. После смерти Сашки его Лариса, некогда очаровательная рыжеволосая красавица, превратилась в разбитое горем изможденное существо, держащееся на плаву только благодаря лошадиным дозам успокоительного. По идее он должен был сейчас находиться с ней рядом. Но у него не было иного выхода. Иначе вслед за Сашкой отправится его младший сын Артемка, которому только-только исполнилось пять лет.

– Может, и вывезу, – кивнул Олег. – Вот охота твоя закончится через неделю, тогда и займемся отпуском.

– Охота закончится тогда, когда мы убьем медведя, – произнес Виктор, глядя себе под ноги. Поднял голову, и егерь испытал не очень приятное ощущение, увидев уже знакомую ухмылку. Будто кто-то рану на рыбьем брюхе раздвинул.

– Может, это будет завтра. Может, и через неделю, – сказал Смолин, вновь опустив голову. – А может, и через месяц.

«Да вот хрен тебе, – вдруг со злостью подумал Шибаев, еле удержавшись, чтобы не нагрубить этому странному мужику. – Если медведя не найдем, вывезу тебя отсюда силком, сержант. С мешком на голове».

Больше они не разговаривали.

Когда они вернулись к избе, лес погрузился в тьму.

Там же, суббота, 02.26

Этой ночью Виктору привиделся кошмар.

Они гуляют в парке, он, Лариса и Артем. Сын весело лопочет, жена что-то рассказывает, но едва ли он вникает в суть ее фраз. Артем то и дело дергает его за рукав, показывая куда-то вперед. Виктор вглядывается и видит, что парк быстро пустеет, гуляющие постепенно расходятся. Будто перед надвигающейся грозой. Все дорожки свободны, лавки тоже, садись – не хочу. Вот только чувство тревоги усиливается, и никуда садиться не хочется…

«Смотри!» – вдруг восклицает Лариса, и Виктор цепенеет. Вдалеке виднеется черное пятно, увеличиваясь с каждой секундой. Прямо на них несется огромный медведь. Шерсть на здоровенной, словно котел, голове торчит дыбом, уши плотно прижаты к черепу, пасть оскалена. Утробно рыча, он громадными скачками приближается… приближается…

Они в панике несутся к машине. Лариса плачет, она спотыкается, падает, поднимается и снова бежит. Ноги вязнут, будто они не на парковой дорожке, а

по колено в расплавленном битуме.

Злобное рычание звучит над самым ухом, и Виктор чувствует смрадно-горячее дыхание зверя. Он прижимает к груди напуганного Артемку.

Каким-то образом они успевают заскочить в машину. Она не заводится, и Виктор, чертыхаясь, без толку крутит и крутит ключ в замке зажигания.

«Это все ты виноват», – раздается за спиной голос, и у него обрывается сердце. Это голос Саши. Их дочери, которую они совсем недавно похоронили. Он со страхом поднимает глаза и смотрит в зеркало заднего вида. Дочь сидит прямо, как ученица на уроке. Разорванное тело небрежно сшито суровыми нитками. Нелепая кукла, которую сначала расчленили, а потом, спохватившись, решили собрать заново. Получилось коряво и неуклюже, но разве это важно? Пусть кукла мертва, но она хлопает глазами и даже может говорить.

Медведь ковыляет к машине. Фыркая, приближает морду к окну, там, где сидит жена. Лариса заходится в крике. Мощным ударом когтистой лапы зверь разбивает стекло, осыпая сидящих в салоне осколками.

Саша хрипло смеется.

Медведь со скрежетом отрывает дверь и выволакивает визжащую Ларису наружу. Она пытается вырваться, но хищник бьет ее по лицу. Когти почти полностью снимают кожу, оголяя носовой хрящ и поблескивающие красным мышцы. Лицо свисает, как мокрая тряпка, на мясном фарше тупо моргают неестественно выпученные глаза. Лариса пытается удержать лицо руками и машинально проходит несколько метров. Ее шажочки, осторожные и нерешительные, словно женщина хочет пройти по заставленному хрусталем столу, не задев ни одного предмета. Затем она спотыкается и падает прямо сочащейся плотью на щебенку.

«Артемка следующий», – предупреждает Саша. Она поправляет прическу, на колени падают комки земли. Могильной земли.

«Ты умерла, – хрипит Виктор. – Я сам видел гроб!»

«Да. Мы все умерли».

Артем зажмуривается, жалобно всхлипывая. Саша успокаивающе гладит его своей бледно-синюшной рукой, напевая колыбельную.

Медведь усаживается возле тела Ларисы и приступает к трапезе. Она пока жива, шевелится и издает булькающие звуки. Виктор старается не смотреть на это, но голова сама поворачивается в сторону дикого пиршества. Когда зверь сожрал вторую грудь, Лариса затихла.

«Он всегда вначале съедает самое вкусное и мягкое. Тебе уже сказал об этом егерь? К примеру, у коровы медведь первым делом пожирает вымя и кишки», – сообщает Саша.

«За… замолчи!» – умоляет Виктор.

«Почему ты тоже не застрелился, папа», – шепчет покойница. Каждый раз, когда она открывает рот, оттуда вываливаются жирные личинки. – Если бы ты застрелился, мы с Артемом остались бы живы».

Артем плачет.

«Не бойся, братик, – ласково говорит мертвец. – Там хорошо. Я покажу тебе кое-что… кое-что…»

«Я не дам умереть Артему!» – вопит Виктор. Машина наконец заводится, и он вдавливает педаль газа до упора. Они уезжают, а медведь провожает их снисходительным взглядом. С его носа падает капля крови. Он почти наелся. Теперь «обед» можно забросать ветками и прийти сюда через пару дней, когда его кушанье слегка тронет разложение.

Виктор смотрит в зеркало заднего вида. Саши больше нет.

«Артем!» – зовет он.

Сын убирает руки от лица, и Смолин кричит от ужаса. Вместо Артема на него слепо таращится новорожденный медвежонок. На нем такие же синие шортики

и футболка с трансформером, как у сына. Зверек елозит по сиденью, робко тычась по сторонам мордочкой.

«Папочка, – хнычет существо, и из глаз вместо слез течет кровь. – Не отдавай ему меня».

Кожа с медвежонка слезает клочьями, растворяясь прямо в воздухе, оставляя после себя запах тлена, пока на сиденье не осталась сиротливая горка костей.

Виктор кричит.

И просыпается.

Несколько минут он лежал, уставившись в темноту. Дыхание постепенно выравнивалось, но сердце продолжало выстукивать дробь.

«Я скоро сойду с ума», – подумал он с дрожью.

Смолину и раньше изредка снились кошмары, но он их не особенно запоминал, и все, что оставалось в хранилищах его памяти, – лишь смутные обрывки чего-то не слишком приятного. Вроде невесть как очутившихся ворсинок на парадном костюме. Стряхнул их, и все дела.

Все изменилось после смерти дочери. Практически каждый раз, когда его сознание проваливалось в тревожную дремоту, его начинали преследовать видения, одно безумнее другого. Будто некий дьявольский портал переносил Виктора в саму преисподнюю, и почти каждый раз он пробуждался от собственного крика.

А когда Серега разнес себе голову выстрелом, кошмарные сны стали нормой.

Он хотел повернуться на другой бок и попытаться заснуть, как вдруг замер, прислушиваясь. Снаружи раздавался шуршащий звук, будто кто-то по земле волочил некий предмет.

«Это Юма», – попытался он успокоить себя. Лайка Олега.

Ну да. Может, это собака. А может, и нет.

Приподнявшись с лежанки, он посмотрел в оконце. Ночь была безлунной, и темень стояла такая, словно все вокруг залили гудроном.

Шорох повторился.

Медведь.

(Пришел медведь, задрал Юму и сейчас ходит вокруг избушки, пытаясь пробраться внутрь.)

Эта мысль повергла Виктора в пучину суеверного ужаса, спина мгновенно взмокла от пота.

«Нужно сказать Олегу».

– Что, не спится, сержант? – внезапно прорезал темноту простуженный голос егеря, и Виктор вздрогнул.

– Там, снаружи… кто-то есть.

Словно в подтверждение этому залаяла собака.

Шибаев мгновенно вскочил. Накинув куртку, он взял фонарь и, прихватив ружье, вышел наружу.

Закусив губу, Смолин неподвижно сидел на лежанке. Темнота давила, и он, наклонившись, на ощупь нашел керосиновую лампу. Дрожащими руками достал коробок спичек и лишь с четвертой попытки смог зажечь фитиль. Вспыхнувший огонек немного приободрил его.

Виктор прислушался.

За окном было тихо. Потом он услышал тявканье пса и как Олег что-то пробурчал. Спустя несколько минут старый егерь вернулся в дом.

– Никого нет, – сказал он. – Может, енот забрел. Странно, что Юма сразу его не учуяла.

Олег повесил ружье на гвоздь.

– Это мог быть медведь? – разлепил губы Виктор.

Егерь покачал головой. Он шагнул к окошку, секунд двадцать внимательно вглядывался в ночь, затем оглянулся:

– Ты скоро в каждом пне будешь видеть медведя.

Виктор хотел огрызнуться, но едва открыл рот, как из леса донесся протяжный вой.

– Хм… Вот и волки засуетились, – заметил егерь. Он остановился у стены: – Знаешь ведь, что они не от тоски воют? Общаются они так. На охоту созывают. Каждый вой звучит по-разному, сержант.

Он положил свою дубленую ладонь на доски, пальцы, словно паучьи лапы, поползли к странному, потемневшему от ржавчины приспособлению, висящему на веревочной петле. Предмет напоминал крюк-кошку, только с выпрямленными зазубренными концами.

– Я слышал, ты стонал ночью, – вдруг сказал Шибаев.

– Сон нехороший, – коротко пояснил Виктор, не желая вдаваться в подробности.

– Травки перед сном нужно было попить. Пустырник, чабрец можно, – сказал егерь. В голосе его не было сочувствия или желания помочь, только сухая конкретика «вопрос-ответ». Он снял со стены странный предмет.

– Справлюсь, – буркнул Смолин.

– Знаешь, что это?

Виктор взглянул на крюк.

– Много лет назад этой штукой при охоте пользовались орочоны.

– Орочоны?

– Да. Это предки эвенков, из тунгусских племен. Охотник, значит, находил косолапого и дразнил его, чтобы тот вышел на поединок. Видишь рукоятку? За нее держался охотник. К ней привязывался сыромятный ремень. Обычно его делали из кожи изюбра или дикого козла. Петля нужна, чтобы крюк не выпал из руки. А на саму распорку надевался старый рукав. Его надвигали до самой распорки, чтобы медведь ее не видел. Знаешь, для чего? Косолапый хватал рукав, думая, что это рука, а в его глотке оказывалась эта хреновина с зазубринами. И медведь оказывался как на крючке, что твой карась. Он, конечно, пытался вытащить распорку, но рана только становилась ширше. Пока зверь ревел и возился с распоркой, орочон убивал его пальмой. Это обычная палка вроде черенка от лопаты, и к ней привязывали большущую тесачину вроде мексиканских, как они там, мачете? Кстати, некоторые смельчаки убивали медведя пальмой, не получив даже царапины! Лезвие пальмы затачивали так, что одним ударом им можно было срубить молодое деревце.

Смолин живо представил себе эту картину и с сомнением покачал головой.

– Видать, крепкие ребята были.

Егерь повесил крюк на место и вынул из кармана ириску.

– Чтобы ты был в курсе, сержант. И не воображал черт-те чего, фильмов всяких насмотревшись. Орочоны, конечно, были смелыми парнями. Но идти против хозяина тайги с ножом никому не советую.

– То есть ножом убить медведя невозможно?

– В теории – возможно, – ответил Олег, жуя конфету. – Но лично я за всю жизнь слышал всего два случая, как мужики закалывали косолапого. Так случилось, что другого оружия у них под боком не было. Один из них умер одновременно с медведем, а второй остался на всю жизнь калекой. Жена из-под него горшки

выносит. Так что никаким геройством тут и не пахнет, сержант.

Егерь перевел взгляд на окошко.

– Скоро светать начнет. Ты завтрак приготовь. Там гречка с тушенкой есть, можешь рис отварить. С баллоном газовым разберешься?

Виктор кивнул.

– Хорошо. А я на разведку с Юмой схожу. Сегодня много дел. Нужно найти подходящую поляну для засидки, соорудить лабаз[2 - Охотничье приспособление для маскировки, выжидания и ведения стрельбы по дичи, устанавливаемое на стволе дерева.]. Утром привезут приваду. Так что скучать будет некогда.

Там же, суббота, 7.11

Виктор быстро сварил рис, размешал в нем тушенку, немного посолил и, обернув котелок старой газетой, спрятал его под одеяло. Он помнил, что так в детстве делала его бабушка. Пища долгое время сохраняла тепло, и не нужно было дополнительно разогревать.

Он прилег отдохнуть и не заметил, как погрузился в сон. На этот раз он спал без кошмаров, и разбудил его егерь.

– Вставай, сержант, – бесцеремонно растолкал его Шибаев. – Солнце уже высоко. Пора собирать сахарный тростник, черномазый ниггер.

Довольный своей шуткой, егерь хрюкнул.

Они быстро поели.

– Как говорится, свежо питание, да серится с трудом, – сообщил Олег, облизывая ложку. – Так, ладно. Приваду уже привезли. Нужно шевелить булками, чтобы ее не растащило зверье.

Он встал из-за стола.

– Благодарствую тебе, Господи, за ту еду, что послал нам, – пробубнил он, вытирая губы. Посмотрел на Виктора. – Там, в углу, ящик с инструментами. Возьми пилу, молоток, гвозди и веревку.

Когда Смолин вышел наружу, егерь поманил его пальцем.

– Иди сюда, сержант. Только не наложи в штаны. У меня для тебя сюприз.

– Что случилось? – нахмурился Виктор, шагая за Шибаевым.

Егерь обошел избу, остановившись у окна.

– Гляди.

Смолин наклонился, не веря своим глазам.

Меньше чем в метре от избушки на земле виднелся четкий след огромной когтистой лапы.

– Вон еще, – показал узловатым пальцем егерь в сторону. – След свежий. Когда я ночью выходил наружу, их не было, я проверял. И Юма ничего не учуяла. А когда мы вернулись, она сразу забеспокоилась, все в лес рвалась.

– Медведь? – спросил Виктор, собственно, сам зная ответ на этот вопрос.

– Он самый, – подтвердил Олег, присаживаясь на корточки. Изучив след, он поднял голову: – Ширина пальмарной мозоли почти двадцать сантиметров.

– Это мне ни о чем не говорит, – раздраженно сказал Виктор. Глаза егеря сверкнули.

– Пора бы уже башкой начать соображать, сержант. Средний размер медвежьей лапы – от 13 до 16 сантиметров. Это тебе о чем-то говорит? А такие мишки тоже далеко не карлики. Лапой махнет, твоя башка оторвется и, как колобок, покатится.

В памяти Виктора вихрем пронеслись кадры ночного кошмара – Лариса с содранным лицом. Он поежился.

– То есть…

– То есть в этом косолапом как минимум двадцать пять пудов. То бишь четыреста килограммов живого весу.

Егерь поднялся на ноги.

– Это что ж выходит, – задумчиво произнес он. – Он пришел сюда, когда ты один был?!

Смолин почувствовал, как в глотке застрял комок, сухой и шершавый.

– Ладно, не дрейфь, – заговорил ободряюще Шибаев. – Пошли.

Он окинул застывшего мужчину цепким взором:

– Ты ведь сам хотел этой охоты, сержант. Или нет? Напомнить, кто меня сюда ехать заставил?

Не дожидаясь ответа, егерь направился в лес. Помедлив, Виктор поплелся следом.

Они долго шли, и примерно через шесть километров тропа вывела их на небольшую опушку. Привада, помещенная в брезентовые мешки, была подвешена между двух елей. Рядом валялись доски.

– Твой помощник это все по лесу тащил? – недоверчиво спросил Виктор.

– Во-первых, их двое. И речка тут рядом, в пятистах шагах, – разъяснил Олег, махнув рукой в сторону едва видневшейся тропы. – Это во-вторых. Ладно, гляди туда, сержант. Там будет лабаз. А приваду устроим здесь. Место хорошее, пустошь прилегает к лесу. Поляна ровная, не сухая. С засидки все будет как на ладони.

– Откуда ты знаешь, что сюда придет медведь? – недоверчиво спросил Виктор, оглядываясь по сторонам.

– Потому что неподалеку я нашел задранного оленя, – отозвался егерь. – И видел свежие следы. Почти такие же крупные, как те, что у избушки. Чуть дальше, на севере, кочки перекопанные. Судя по всему, косолапый расковыривал гнезда осиные. Не забывай, что медведь после жрачки идет пить, тут и ручей недалече. Все условия, в общем. Шумел камыш, деревья гнулись, и все такое.

Он сорвал брезент, развязал один из мешков, и в нос тут же ворвался нокаутирующий смрад тухлого мяса.

Егерь довольно усмехнулся.

– Салага ты, сержант. Или не знал, что медведь мясцо с душком любит?

Виктор с отвращением смотрел на бычьи головы, плоть которых была уже тронута разложением. На черных ноздрях застыла губчатая кровяная корка.

– А что во втором? – указал Смолин на другой мешок.

– Рыба. Излюбленные места медведя – берега лососевых рек и нерестилища. Поэтому наш клиент рыбку обожает.

– Почему мы не устроили все это возле той берлоги? – задал вопрос Виктор. – Там, где я был вчера?

Олег недовольно тряхнул головой.

– Мне не нравится это место. Как хошь, так и думай. Да и следов, окромя зацепок на деревьях, я никаких не увидел. Медведь туда давно не заходил.

Егерь надел перчатки и, ухватив бычьи головы, потащил их к выкорчеванному дереву. Привязал приманку проволокой за рога, отошел на шаг, критично оглядывая результат работы.

– Иногда на приваду бочку ставят, – сказал он. – Дно к корням прибивают, или просто булыжники кладут, чтобы унести нельзя было, а уже сверху – требуха – лакомство медвежье. Пока он, значит, в бочке ковыряется, ты сверху – пиф-паф.

«Пиф-паф, все убиты!» — мысленно проговорил Виктор. Кажется, это слова Сергея, произнесенные им незадолго до самоубийства.

– Эй, сержант! – позвал его егерь. – Оглох, что ли? Бери доски.

С этими словами он двинулся к месту постройки лабаза.

– Самое главное, чтобы ты находился с подветренной стороны, – говорил Олег, начиная приколачивать толстые перекладины между двумя осинами. – Лабаз строится как минимум в пяти метрах от земли. Так меньше вероятности, что зверь почует тебя. Когда окажусь наверху, будешь подавать доски. Сиденье должно быть удобным и прочным, иначе сон сморит, и вниз брякнешься. Прямо в лапы Топтыгину.

Виктор не оценил шутки. Перед его глазами все еще маячил образ оставленного под окошком следа. Как там сказал Олег? Четыреста килограммов? Он подумал об орочонах, которые с одной кривой железкой ходили на медведя. После того как он увидел медвежий след, правдивость рассказанных егерем историй об охоте орочонов вызвала у него серьезные сомнения. Такому гиганту что суй в рот крюк, что не суй, отгрызет руку к едрене матери, и привет Шишкину. Ерунда все это.

Олег между тем приколачивал жерди для опоры ног. Виктор машинально подавал ему доски.

«Может, все случится сегодня ночью», – подумал он, и где-то глубоко внутри у него словно что-то надломилось. На секунду его охватил всеобъемлюще-беспримесный страх, липкий и холодный, как болотная жижа. Страх за себя и сына. Ведь если из его затеи ничего не выйдет, его сын Артемка…

Он даже не будет думать об этом. Иначе все, что он затеял, окажется напрасным. Все.

Но как говорится, лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

«У меня все получится».

– Обязательно, – прошептал Виктор.

– Че ты там бормочешь, сержант? Молишься небось? – крикнул сверху егерь. – Помоги мне… Помост готов, поручни тоже. Жердь для спины осталась, и, пожалуй, все. Останется только ветками замаскировать.

Наконец лабаз был построен, и Олег спустился вниз, критически разглядывая свое творение.

– Вообще-то его нужно за неделю до охоты строить, – проговорил он. – И две штуки. Так, чтобы привада между ними была. Это если ветер изменит направление. Но на второй лабаз времени нет, это первое. Второе, здесь роза ветров практически неизменна, все время дует с запада, то есть с пустоши на тебя. Зверь не должен ничего почуять. Эх, курить охота. Да, кстати. Вечером, перед засидкой, рот прополощи. А еще лучше еловой хвои пожуй. Медведь курево ого-го как чует! Зрение у него не очень, а вот нюх острый. Ботинки тоже травой натрешь. Чтобы никих запахов гуталина или сапожной мази… Проверь, чтобы на тебе не было блестяшек всяких. Я имею в виду пряжки или «молнии» с пуговицами. Они могут отсвечивать, и медведь тебя заметит.

Виктор с подозрением смотрел на шаткую конструкцию среди ветвей.

– Он сюда не полезет?

Егерь с жалостью посмотрел на мужчину, словно перед ним был непроходимый тупица.

– Ты, по ходу, сержант, про косолапых знаешь не больше, чем ребятенки из яслей. Будто окромя сказки про трех медведей и не слыхал вовсе. Взрослые бурые медведи не лазают по деревьям, разве что лончаки с пестунами.

– Какие пиз… пистуны?

– Пестуны, лопух, – фыркнул Шибаев. – До двух лет детеныш лончаком зовется. С двух до трех – пестуном. После трех годков это уже взрослый медведь.

Он отряхнул ладони.

– Давай приберемся тут. Под лабазом должна быть стерильная чистота, как на операционном столе. Если все делать по уму, то до лабаза двоим на лошади подъезжать нужно. Так раньше всегда делали. Один взбирался наверх, а второй уезжал. Чтобы, значит, след запутать. Понял?

– Это ты к чему? Что я на тебя сяду, и ты меня к дереву привезешь? – ухмыльнулся Виктор.

– На меня, сержант, как залезешь, там же и слезешь, – холодно улыбнулся в ответ егерь.

Когда вокруг осин был наведен тщательный порядок, Олег вдруг сказал:

– Медведь, конечно, на дерево не полезет. Но ему ничего не мешает ждать тебя внизу. Чуешь, сержант?

– Вполне.

– Поэтому промахнуться нельзя. Подранок может немало бед натворить. И если зверь ранен, добрать его нужно в любом случае.

– Добрать – это добить, что ли?

– Именно. Был случай, когда зять моего кореша в одиночку на медведя пошел, поспорил он с кем-то. Пальнул в зверя, ранил его слегка, а тот давай дерево трясти, где, значит, лабаз был построен. Мужик-то удержался, а вот ружье его вниз свалилось. И никого больше не было. Так подранок его два дня стерег. Дождался, когда тот задремал и сам к нему сверху свалился. И все, разорвал охотничка, что твой Тузик грелку. Такие дела, сержант.

– Ты собаку с собой возьмешь?

– Нет. Во-первых, псов обычно используют, когда медведя на берлоге берут. Во-вторых, с одной собакой на медведя не ходят. Как минимум две или три. Так что Юму оставим дома. Теперь третье, самое главное. Поскольку ты будешь наверху, помни, что зверь ниже тебя, и пуля пойдет иначе, сверху вниз, она как бы наискосок прошивает медведя. Целься чуток выше убойного места. Знаешь хоть, куда целиться, сержант?

– Мозг, сердце, – ответил Виктор.

– Верно. Если представить себе медвежью голову сбоку и провести черту от глаза к уху, то за ней и будет головной мозг. При стрельбе в лоб целься между глаз. Стреляя в угон, целиться нужно между ушей, даже чуть ниже. Чтобы попасть в сердце, стреляй сзади лопатки, в место локтевого сгиба, там у медведя обычно вытерта шерсть от ходьбы…

– Ясно.

– Не перебивай, – одернул его Шибаев. – Про спинной мозг забыл. Или хребет, один черт. Хребет проходит по середине спины медведя, туда и целься. Попадешь в шею – тоже неплохо. У зверя там основные кровяные сосуды, он быстро слабеет, и даже если уйдет, то недалеко. Попадешь в легкие – медведь тоже уйдет. Он, конечно, сдохнет рано или поздно, но дальность его ухода может быть огромной. Все остальные раны – по лапам, по животу, по жопе – бестолковы. А иногда и опасны. Попадешь в кишки – может лопнуть желчный пузырь, все мясо испоганишь.

Егерь скатал в рулон зловонные мешки из-под привады, перетянув их длинным шнурком.

– Медведь крепок на рану, сержант. Бывало, он уходил с пятью-шестью дырками в теле, некоторые из которых были смертельными. Даже с пробитым сердцем он может пройти до ста пятидесяти шагов. У него жир выполняет функцию тампона, рану как бы затыкает, поэтому смерть не так быстро приходит. И преследовать такого подранка опасно. Сколько было случаев, когда ночью охотник, не дождавшись подмоги, уходил следом за подранком, а тот, запутав следы, нападал на нетерпеливого дурака. В итоге подыхали оба. Медведь – один из немногих, кто, будучи подранком, становится партизаном. Запомни это.

Виктор снова посмотрел на лабаз. На одной из перекладин сидел громадный ворон. Сложив крылья, он пялился на мужчин, слегка склонив голову. Шибаев проследил за его взглядом, на острых скулах заиграли желваки.

– Мы будем вместе, – сказал он. – Вот только стрелять будешь ты один. Это тебе нужен медведь. Не мне. Чуешь разницу? Я просто организовываю вам встречу. Так-то.

Смолин не сразу ответил, обдумывая слова егеря.

– Наверное, это будет справедливо, – наконец произнес он.

– Ну да, – бесстрастно откликнулся Олег. – Я возьмусь за ружье только в том случае, если медведь полезет конкретно на меня. Не забывай, что это за место, сержант. Я просто так тут комара не прихлопну. Да, еще. Подмойся перед выходом. Я не шучу. Только мыло тщательно смой, с подмышек особенно. Даже я чую, что ты попахивать начал. Если погода будет безветренной, твой духан по всей опушке разнесется.

Внезапно он придвинулся к Виктору, словно желая сообщить ему некий секрет, нежелательный для посторонних ушей.

– А еще я чую страх. Понимаешь, сержант? Я даже в темноте вижу, как тебя трясет. Будто тебя на расстрел вот-вот поведут. Этот страх прямо-таки сочится из тебя, как смола из сосны, когда по ней топором вдарят.

– Я не собираюсь тебе что-то объяснять. Оставь свои домыслы при себе, – хрипло ответил Смолин, но егерь лишь усмехнулся и принялся рассуждать вслух:

– Я тащусь с тебя… Что называется, шумел камыш… Городской фраер собирается ехать бить медведя. И куда? На Вороний мыс. Он уговаривает меня, обещает мильоны, мол, хочу косолапого, и все тут! Лады, едем. Парень в первый же день находит берлогу. При этом я вижу, что он буквально в штаны ссыт от каждого, понимаешь, треснутого сучка в лесу. Ночью стонет, как издыхающий пес. Но все равно – хочу медведя. Хочу, и все. И хочется и колется, да? Это все про тебя, сержант.

Олег приблизил свое загорелое лицо вплотную к окаменевшему Виктору. Каждая щетинка егеря напоминала крошечную посеребренную иголочку, складки морщин были настолько глубокими, что, казалось, в них можно было бы впихивать монетки, и они бы не выпали. В темных глазах сквозила холодная неприязнь.

– Зачем тебе медведь, сержант? – в упор глядя на мужчину, спросил Олег. – На стенку башку его повесишь? Или шкуру у камина расстелишь? Ответь.

– Это не твое дело, – сквозь зубы вымолвил Виктор.

Отступив назад, Шибаев смерил его презрительным взглядом. Казалось, еще мгновение, и он ударит его, и Смолин даже приготовился к подобному развитию событий.

«Я уже жалею, что согласился привезти тебя сюда», – прочитал он по глазам старого егеря.

– Ну, идем, что ли? – сказал Олег после паузы. – Вернемся за пару часов до заката.

Откуда-то с дерева бесшумно спикировал второй ворон. Хрипло каркнув, он уселся на опорную жердь лабаза.

– Идем, – тихо сказал Виктор.

Ступая след в след за егерем, он буквально кожей чувствовал, что все это время за ними кто-то внимательно наблюдает.

Там же, суббота, 20.41

В назначенное время они были на месте.

– Скажи спасибо, что у меня накомарник запасной есть, – сказал егерь, протягивая Виктору противомоскитную сетку для головного убора.

– Спасибо, – отсутствующим голосом поблагодарил Смолин.

– Надевай прямо на кепку. Иначе гнус покою не даст.

Мужчины взобрались по перекладинам на помост. Виктор снял с плеча ружье, направил ствол в сторону привады.

– Приготовься к тому, что сегодня, может, впустую ночь пройдет, – предупредил его егерь. Он бережно погладил приклад своего «Тигра».

– Я вижу, ты был бы этому рад, – сухо заметил Смолин, надевая накомарник.

– А я и не скрывал, что не хотел тут никакой охоты, – парировал Олег. Он зарядил карабин, положив его на колени. – Я тебе специально упор под твой винторез сделал, – сказал он Виктору. – Чтоб рука, значица, не дрогнула в нужный момент.

Солнце медленно клонилось к западу, раскрашивая небо сочным пурпуром. Громко крякая и хлопая крыльями, невдалеке пронеслась утиная стая.

– Ты очень заботлив, – хмуро произнес Виктор.

– Это точно, – казалось, егерь не заметил сарказма. – Кстати, сержант, не сочти меня шкурником, но мне нужны от тебя гарантии.

– Гарантии? Ты о чем? – удивился Смолин.

– Гони аванс. Я и так с тобой два дня ковыряюсь.

– Резонно. Только не пойму, почему финансовые вопросы нельзя решить после охоты.

Глядя, как Виктор достает деньги, Шибаев ответил:

– Откуда я знаю, вдруг тебя косолапый сегодня порвет. С кого мне гонорар требовать? Я трупы не привык обыскивать. Мы люди порядочные.

– Интересная логика, – протянул Виктор. Он отсчитал егерю стопку купюр, и тот быстро спрятал деньги.

– Логика нормальная. Я же не все у тебя забираю, – заявил он. – Не дрейфь, сержант. Если что, на остаток тебя похоронят. Если, конечно, будет что хоронить.

Их взгляды пересеклись.

– Очень смешно, – сухо произнес Виктор. – Но твои приколы начинают уже утомлять.

Егерь ничуть не смутился.

– А то что, сержант? Все бросишь и домой поедешь? Валяй. Или морду мне набьешь? Я честный по крайней мере. Что думаю, то и говорю. Ты мне не нравишься.

– Наши мнения в этом схожи, – признал Смолин. Он посмотрел в сторону привады. Осторожно ступая и принюхиваясь, к рыбьей требухе приблизилась лиса.

– Вот и огневка пожаловала, – прокомментировал Олег. – Нужна лисья шкурка? Хотя нет. Ты своими пулями ей всю красоту пышую испортишь.

Некоторое время ярко-рыжая хищница поедала рыбу, затем, утолив голод, бесшумно скрылась в зарослях.

– Красива, шельма, – с нескрываемым восхищением проговорил егерь вслед лисице. – Я как-то своей Дарье шубу подарил. Самолично всех лис отстрелял.

«Плевать мне. И на шубу, и на твою Дарью», – едва не вырвалось у Виктора, но он сдержался. Егерь уже начинал его откровенно бесить.

«Может, пристрелить его после всего, как…»

Эта мысль напугала его.

Похоже, у него началось помутнение рассудка. Нужно держать себя в руках.

«Нет, – прошептал внутренний голос. – Помутнение началось шестнадцать лет назад. Когда вы приехали сюда с Серегой…»

Он вдруг подумал, что не курил уже почти сутки и сейчас отдал бы все на свете за пару затяжек.

– Темнеет, – раздался тихий голос Шибаева. Он заворочался, доставая из рюкзака термос. Отпив сладкого чая, он закрутил крышку, даже не предложив Виктору.

«Сука жлобская», – подумал тот.

Впрочем, чай ему не нужен.

С огромным удовольствием он бы сейчас выпил коньяку. Граммов сто сразу.

– Имей в виду, сержант, – заговорил егерь. – Если после твоего выстрела медведь останется на месте или, отбежав на пару шагов, сляжет, сиди на лабазе. Нужно выждать время. Если не шевелится – спускаемся. Как подойдем, обрати внимание на его холку и уши. Если уши прижаты, а шерсть дыбом – зверь жив, его следует немедленно добрать. Чуешь?

– Чую, – проворчал Смолин. Он поморщился, приподняв затекшую ногу.

– Ну а если ты уснешь и брякнешься вниз, а косолапый за тобой погонится, беги, что есть дури. Знаешь, как надо от медведей бегать?

В прищуренных глазах егеря плясали безумные огоньки.

– Как? – на всякий случай спросил Смолин, про себя готовясь к какому-либо подвоху.

– Надо бежать так, чтобы медведь уменьшался. Если медведь увеличивается – ты бежишь неправильно.

Егерь захихикал.

– Ладно, шутки в сторону. Усвой одну вещь. Косолапому куда легче справиться с обосранным от страха трусом, чуешь? Нежели с охотником, готовым к обороне. Пускай у ентова охотника даже ружья нет. Бежать от медведя нельзя! По сути, он как собака, он чувствует внутреннюю силу! И если противник от зверя не бежит, медведь начинает думать, что тот готов к схватке! Это всосано каждым из них с материнским молоком! С древних пор медведи помнят: если человек выжидает момент, никуда не бежит, значит, тут что-то не так. И у тебя всегда есть шанс остаться в живых.

Виктор молча кивнул, про себя гадая, хватит ли у него мужества следовать подобным советам.

– А знаешь, какая байка среди охотников ходит? – спросил Олег и, не дожидаясь ответа Виктора, проговорил: – Говорят, много лет назад косолапого водкой наказывали. За то, значица, ежели он скот погубил чей-то. На поляне клали коровью тушу, а в землю ведро водки закапывали. Медведь наедался мяса, пил водку и заваливался спать. Так вот, пока он дрых, мужики ему на шею сыромятный ремень надевали с колокольчиками. Так, чтобы медведь не смог его снять. Он просыпался, а вокруг все звенит. Так он покоя лишался, отчего ревел, как умалишенный. Через несколько дней он попросту валился без сил и сдыхал.

Виктор краем уха слышал егеря, не сводя глаз с привады. Кроме лисы и небольшого зверька, оказавшегося горностаем, привадой никто не заинтересовался.

Незаметно прошел час. Лес окунулся в вязкие сумерки, изредка шелестела листва. Смолин таращился в темноту, тщательно прислушиваясь к каждому звуку.

Внезапно где-то совсем рядом захлопали крылья, и Виктор задрал голову. В паре метров над ними на ветку уселся крупный ворон. Оперение угольно-черное, с металлическим отливом, клюв напоминал кривое лезвие. Загнутые когти с силой обхватывали ветку, которая слегка пружинила под весом птицы.

– Этого еще не хватало, – прошептал Олег. Он вмахнул рукой, но жест этот был каким-то вялым, неуверенным. Птица не шелохнулась. Ворон лишь раскрыл и сложил крылья, как бы говоря: «Никуда я отсюда не улечу, мне и тут комфортно».

Подул слабый ветер. Теплый воздух уступил вечерней прохладе, и нудно зудевшие вокруг комары, тщетно пытавшиеся проникнуть сквозь мелкоячеистую сетку, закрывавшую лица мужчин, быстро исчезли.

– Будь готов включить фонарь, – приглушенно произнес егерь. Лицо его было напряженным, и Виктор не сразу понял, чего от него хотят. Олег повторил, приложив указательный палец ко рту.

Со стороны привады раздался едва слышный шорох. Так шуршит приминаемая ногами трава. «Или лапами», – пронеслась у Виктора мысль.

Он навел ружье вниз, включив подствольный фонарь. Затем медленно перевел ствол на звуки шороха.

Это был медведь.

Довольно крупный, мех светло-палевого окраса. Перебирая мощными лапами, он приблизился к прикрученным к корневищу бычьим головам. Фыркнул, огляделся по сторонам, приподнялся за задние лапы, словно желая расширить поле обзора, и только после этого принялся обгладывать приманку. Странно, но движущийся в траве луч подствольного фонаря Виктора, казалось, совершенно не заботил животное.

Виктор почувствовал, как висок прочертила струйка горячего пота. Он повернул голову, словно ища поддержки у егеря.

Олег сделал в воздухе жест указательным пальцем, имитируя нажатие спускового крючка.

Смолин прижал приклад к плечу, пытаясь поймать в прицел голову зверя.

«Пиф-паф! Все убиты-ы-ы-ы!» – раздался в его мозгу визгливый крик покойного Сереги.

Затаив дыхание, он перевел предохранитель в боевое положение и опустил палец на спусковой крючок.

Медведь жадно урчал, выгрызая из бычьей головы лоскуты плоти.

«Почему ты не застрелился, папа?»

Голос Саши, увиденной им во сне этой ночью, был настолько ясным и отчетливым, что он едва не закричал от ужаса. Палец вынырнул из спусковой скобы. Будто из капкана, хищные зубья которого уже были готовы его срезать начисто.

На плечо легла рука Олега. Глаза егеря горели от изумления и ярости.

– Стреляй, – приказал он одними губами.

Смолин замотал головой.

– Стреляй, идиот, – процедил егерь.

– Нет, – ожесточенно вырвалось у Смолина. Он поставил карабин на предохранитель, задев локтем термос, из которого пил чай Шибаев. Тот со стуком покатился вниз, упав в траву.

Медведь вздрогнул, повернув голову. Фыркая, он проворно потрусил в заросли. Спустя секунду о его недавнем присутствии напоминала лишь до кости ободранная голова быка.

Ворон, до сих пор неподвижно сидевший на ветке, поднялся в воздух. С сиплым карканьем он унесся в ночь.

– Ты, придурок! – рявкнул егерь. – Шутки шутить удумал?

– Отвали, – устало отмахнулся от него Смолин. Он уже намеревался полезть вниз, но грубые пальцы Шибаева уцепились за его куртку:

– Куда?! На собственные похороны?

Виктор застыл на месте.

– Сидим. Надо выждать время, пусть зверь уйдет, – пробурчал егерь.

Несколько минут они сидели, не проронив и слова.

– Может, это и к лучшему, – наконец нарушил молчание Шибаев. – Не буду тебя спрашивать, почему ты не выстрелил. Это твое дело. Давай, слазь. На сегодня охота окончена.

Оказавшись внизу, Олег подобрал термос и, не глядя на Смолина, побрел к дому.

– Ты считаешь, что я испугался? – крикнул ему в спину Виктор. – Ни хрена подобного!

– Да срать я хотел, испугался ты или нет, – бросил из-за плеча Олег. – Понтов на рубль, а толку – копейка. Баклан ты. Тьфу!

Виктор с трудом проглотил обидную реплику, лишь плотнее сжал цевье ружья. «Ладно, хрен моржовый. Ты свое получишь. За каждую свою ублюдскую шуточку».

– А я ведь знаю, что ты сам наложил в штаны, Олежа, – растягивая слова, произнес он. – Как только ворона на ветку села.

Егерь замер, будто натолкнувшись на невидимую преграду.

Медленно-медленно развернулся, держа в руках ружье.

– Что ты вякнул? – вкрадчиво спросил он.

– То, что сказал.

Тон Виктора был спокойным и немного уставшим, он словно не замечал дула карабина, который почти уперся ему в грудь.

– Думаешь, я не видел, как ты косился на птицу? – снова заговорил он. – У тебя была такая рожа, будто на ветке сама Смерть с косой уселась. И убери ружье. Не нужно тут никого пугать. Будешь в своих бурундуков с енотами прицеливаться.

– Заглохни, – с ненавистью прошипел Олег. – Не тебе об этом рассуждать, молокосос гребаный! Ты ничего не знаешь!

– Почему ты так испугался вороны? – продолжал допытываться Смолин. – Что это за место, где все животные – священны?! Ответь!

– Пошел ты… – сплюнул егерь. Резко крутанувшись, он стремительно зашагал прочь.

Когда они добрались до избушки, время близилось к полуночи. Юма выбежала навстречу егерю, радостно виляя хвостом, но тот словно не замечал собаку. Он уже хотел войти внутрь, однако отпрянул назад, словно вспомнив о чем-то, и направил фонарь на крышу сторожки. Фонарь в его руке дрогнул.

Крыша шевелилась, как живая. Перекатывалась черными буграми, при этом издавая тихое похрустывание. Виктор вскрикнул, и лишь спустя мгновение его сознание уловило явно опоздавшую мысль: вороны. Целое море воронов. Все как на подбор – крупные, с черным оперением и поблескивающими в темноте клювами, они покрывали крышу избушки живым шевелящимся ковром.

Егерь вскинул ружье.

– Рановато… вы явились, – пробормотал он чуть слышно, но Виктор все равно смог разобрать слова.

В последнюю секунду ствол трепыхнулся, как если бы его подсекла невидимая удочка на крючок, и дуло ушло чуть вверх.

Прозвучал выстрел, в ночной тишине показавшийся Смолину взрывом.

Похрустывание стихло, и живая бугрящаяся масса замерла.

БАБАХ!

БАБАХ!

БАБАХ!!!

После четвертого выстрела вороны нехотя поднялись вверх. Птицы застыли в прозрачном ночном небе гротескно-щетинистым ковром из перьев, когтистых лап и клювов, и этот ковер слегка вибрировал, словно находился под высоким напряжением. Принимая во внимание, что за все это время ни одна из птиц даже не каркнула, зрелище было более чем завораживающим. Внезапно это бесформенно-угольное облако растворились прямо в воздухе, лишь где-то вдалеке слышалось хлопанье громадных крыльев.

Юма заскулила, с опаской поглядывая в лес.

Егерь проводил мрачную стаю немигающим взором, затем выдавил:

– Идем в дом.

С усилием передвигая ноги, Олег проковылял в избушку.

– Что это было? – наконец обрел дар речи Виктор.

– Надо уезжать, сержант, – проскрипел егерь. Он положил ружье на стол, зажег керосиновую лампу и воззрился на Виктора. Тот не мог поверить своим глазам – до недавних пор подтянутый, крепкий и выносливый мужик в какие-то доли секунды превратился в столетнего дряхлого старца. Словно взмывая в небо, стая воронов прихватила с собой все его жизненные силы.

– Что здесь произошло? – повторил Виктор. – Это… это как-то связано с названием мыса?

– По той же причине… по какой и ты здесь, – устало сказал Шибаев. – Не ври хотя бы самому себе, сержант.

Лицо Смолина стало безучастным, будто именно этого ответа он и ждал.

– Мне нужен медведь. И я его добуду. С тобой или без тебя.

Егерь хохотнул. В бревенчатой, пропахшей пылью избушке, где единственным источником света была старая керосинка, этот смех прозвучал, как хрип умирающего.

– Никакой охоты не будет. Все, аллес. Шумел камыш, деревья гнулись, вот мой ответ.

– Охота не закончена. А свой камыш засунь себе в задницу.

На бледном лице Виктора зазмеилась широкая улыбка, которая у обывателя скорее вызвала бы желание отвести взгляд, а то и отойти в сторону. Но егерь только ухмыльнулся в ответ.

– Мне нельзя было привозить тебя сюда. Я должен был все понять, когда увидел медвежьи следы возле дома. И вообще, все и так было ясно, когда ты поперся к берлоге. Что ты там наворотил, сержант? Кого ты убил здесь?

Юма вдруг залилась резким, отрывистым лаем.

– Видать, твои вороны вернулись, – предположил Виктор, махнув карабином в сторону улицы. – Скучно им без тебя.

– Почему ты не стрелял в медведя?

– Потому что мне нужен другой медведь. Другой. И он здесь. Я чувствую его. Так что мы остаемся.

– Если ты останешься, ты сдохнешь.

– А если я уеду, то умрет мой сын, – рассмеялся Смолин, будто играя с егерем в какую-то затейливую словесную игру. – У меня другое предложение. Уезжай отсюда. Вернешься через неделю. За это время кто-то из нас точно будет трупом. А может, ничего и не будет. В любом случае заберешь отсюда мое тело. Живое или мертвое – как бог даст.

Егерь покачал головой.

– Не пойдет. Мы уедем вместе. Я не имею права оставлять в своих угодьях чужака. Да еще с ружьем и боеприпасами.

– У тебя просто нет выбора, – тихо сказал Виктор.

Егерь взял ружье в руки, наставив ствол в грудь мужчины.

– И что ты скажешь? – с усмешкой произнес Виктор. – Когда убьешь меня?

Он медленно поднял свой карабин. Теперь они стояли и целились друг в друга.

– Я скажу, что ты тронулся умом и напал на меня, – сказал Шибаев. – А может, я ничего не скажу. Ты мог утонуть. Тебя мог сожрать медведь. Чуешь, сержант? Здесь тайга, а не Москва.

– У тебя не осталось патронов, старый мудак, – хихикнул Виктор.

– Ты плохо считаешь, – возразил Олег. – В моем магазине их было пять. Я выстрелил четыре раза. А вот ты, салага, не снял свою пукалку с предохранителя.

Смолин скосил взгляд на ружье, и в это же мгновение за окном раздалось злобное рычание Юмы. Олег непроизвольно перевел взгляд на дверь, и в этот же момент Виктор, злобно взвизгнув, прыгнул на него.

Егерю показалось, что в него на большой скорости врезался товарный поезд. «И откуда в этом салаге столько сил?» – пронеслась у него недоуменная мысль. Его «Тигр» с гулким стуком грохнулся на дощатый пол, и мужчины покатились по полу. Смолин, навалившись всем телом, старался обездвижить егеря. Олег

извивался, как угорь, он сумел освободить руки и теперь тянул их к лицу нападавшего, нащупывая глаза.

– Сука, – зашипел Виктор, когда в левый глаз что-то с силой ткнулось, как острие палки. Он вскрикнул, отпрянув назад, и в тот же момент его челюсти сомкнулись на пальцах Олега. Пальцы были твердыми от застарелых мозолей и солоноватыми. Взревев, Виктор изо всех сил стиснул зубы. В рот потекла теплая кровь, егерь закричал от боли. Он засучил ногами, задев своим сапогом хромоногий стол, и стоящая на нем керосинка, не удержавшись, скатилась на пол. Лопнуло стекло, в воздухе запахло керосином.

– Пусти, гад!! – вопил Олег, елозя на полу. Он понимал, что шансов справиться с молодым противником, превосходящим его по весу и силе, у него почти нет.

Разлитая лужица керосина мгновенно вспыхнула ярко-оранжевой розой. Избушку озарил пульсирующий свет пламени.

Смолин разжал челюсти, выпуская прокушенные пальцы Шибаева.

– Юма! Юма!! – звал на помощь егерь.

– Заткнись! – гаркнул Виктор. Он нанес Олегу сильный удар в висок, и голова пожилого мужчины безвольно мотнулась. Тяжело дыша, Смолин встал. Сорвал с себя куртку и быстро прибил разгорающееся пламя. Затем взял фонарь, посветив на лежащего. Олег был без сознания.

Юма продолжала захлебываться озлобленным лаем.

– Все хорошо, собачка, – приглушенно сказал Виктор. – Не гавкай.

Он поморгал левым глазом, проверяя, насколько серьезно он поврежден в результате потасовки, сорвал со стены моток веревки и быстро связал бесчувственного егеря.

– Куда тебя деть, старик? – вслух проговорил он, рисуя на стенах зигзаги лучом фонаря. Посветил вниз, уткнувшись в прямоугольный люк, ведущий в погреб.

– Оттуда ты точно не сбежишь.

Он откинул крышку подпола и, кряхтя, принялся волочить Шибаева к черневшему отверстию.

Между тем лай Юмы внезапно оборвался. Она коротко взвизгнула, затем все стихло. Но Виктор уже этого не слышал, так как был внизу. Усадив егеря спиной к шершавой стене, он поднял ему веко. Прислонил к глазу фонарь, и зрачок моментально сузился. Виктор с удовлетворением кивнул.

– Живой.

Он поднялся, отряхивая колени.

– У меня нет ничего против тебя, старик, – негромко проговорил он. – Ты неплохой мужик и свою работу знаешь. Но дальше… дальше я сам справлюсь. Я не хочу впутывать тебя в мои проблемы. И когда вернусь, я развяжу тебя. Только тогда мы уедем отсюда.

Он умолк, с тупым видом прислушиваясь. Только сейчас он понял, что Юма давно замолчала, и теперь вместо лая до его слуха доносились другие звуки. Странные звуки.

Он начал подниматься по ступенькам, гадая про себя, на что похожи эти шорохи (вороны снова вернулись? Они опять облюбовали крышу этой лачуги?!), как вдруг совершенно некстати вспомнил слова Шибаева.

«Всегда помни… где твое ружье, и сколько у тебя патронов…»

– Мое ружье на месте, – разлепил он губы.

Все в порядке. Все под контролем.

Сейчас он возьмет ружье и…

Смолин с трудом выкарабкался наружу и доплелся до окна. Щурясь, он наклонился к мутному стеклу, всматриваясь наружу. Где собака?

За окном был медведь.

И он смотрел прямо на него. Их разделяло лишь несколько сантиметров и мутное, покрытое грязными разводами стекло.

Смолин отстранился, сиплый звук вырвался сквозь зубы.

(Это все сон.)

Сон, сон, сон.

Очередной кошмар. Такой же, как и десятки других, мучивших его в последние месяцы.

Но зверь за окном не был видением. Он тоже заметил мужчину, и шерсть на холке встала дыбом. Глухо заворчав, медведь направился к двери.

Слепо тычаясь в потемках, Виктор смог нащупать на полу свой карабин. Дрожащими руками поднял его, навел на вход в избу.

«Дверь открыта? Или нет?»

Он услышал скребущий звук, будто медведь пробовал доски на прочность.

«Господи, прости меня…»

В дверь ударили.

– Иди сюда! – закричал Виктор. Приклад в руках прыгал, как живой. Он включил подствольный фонарь и снял карабин с предохранителя. – Иди!!

Следующий удар был куда мощнее предыдущего, послышался отчетливый хруст. Еще один… или два, и дверь будет сломана.

Виктор обвел сухим языком обветренные губы.

Снаружи донесся протяжный рык. Утробный и низкий, от которого у охотника на голове зашевелились волосы. Казалось, от этого рычания завибрировали доски пола, и среди беспорядочного хаоса мыслей, мечущихся в мозгу Смолина загнанными зверьками, сверкнуло: «Это не медведь. Это вообще не зверь, а призрак».

Да. Потому что ни одно живое существо не может издавать подобные звуки. И ни одно животное не будет так целенаправленно ломиться в дом.

– Давай, – шепотом произнес Виктор. Ружье почему-то стало весить целую тонну и подрагивало в его влажных от пота руках. – Я ждал тебя. Я…

Договорить он не успел, так как новый удар проломил доски, и на какое-то безумное мгновение его взгляд успел зафиксировать очертания могучей лапы с длиннющими, как зубцы вил, когтями.

Указательный палец мягко, словно перышко, коснулся спускового крючка. Он был прохладным.

Медведь ударил снова, расширяя пролом. В отверстии появилась морда животного. Хрипло ворча, медведь начал протискиваться внутрь.

Замерев, Виктор нажал на спусковой крючок. В последнее мгновение рука, сжимающее цевье, предательски колыхнулась.

Выстрел показался ему настолько ошеломляюще-громким, что он замжурился от неожиданности.

Медведь вздрогнул. Из пасти вырвался вздох, прозвучавший почти как человеческий. Пуля прошила самый верх загривка, не причинив зверю особого вреда.

Плечо Виктора ныло от резкой отдачи. Взревев, медведь принялся с удвоенной силой доламывать дверь и, наконец, оказался внутри избы. Его бока вздымались, крошечные глаза, запрятанные в складках, тлели злобными угольками. По контуру густого меха серебрилась рябь лунного света, проникнувшего сквозь дверной проем.

Несмотря на сковавший его страх, взгляд Виктора успел выхватить одну деталь – на груди таежного исполина виднелись рыжевато-белесые отметины.

Смолин выстрелил снова. Зверь заворчал, неловко взмахнув правой лапой.

Идиот, отругал себя охотник. Судя по всему, пуля попала в лапу или лопатку.

«Целься… между глаз…»

Медведь шагнул вперед. Раскрыл пасть, в которую с легкостью поместилась бы голова Виктора, и издал оглушительный рев.

Смолин, пятясь назад, снова вскинул карабин.

Однако вместо выстрела ружье лишь сухо клацнуло.

Мужчина неверяще глядел на приближающегося гиганта.

«Этого не может быть. У меня в магазине было десять патронов!»

Палец бестолково жал на спусковой крючок, но все было напрасно. Похоже, в магазине заклинило патрон.

«Осечка, сержант», – промурлыкал где-то над ухом голос егеря.

Медведь сделал еще один шаг, оказавшись всего в метре от застывшего мужчины. От зверя исходили ни с чем не сравнимые запахи – запах хвои и трав, запах таежного леса, запах зверя, дикого и беспощадного. А еще эта покрытая шерстью глыба буквально источала запах необузданной ярости и возмездия.

Медведь взмахнул раненой лапой, ударив по ружью. Ствол ушел вниз, приклад, подпрыгнув, как живой, с силой врезался Виктору в подбородок. Лязгнули зубы, почти насквозь прокусив язык, от резкой боли в глазах охотника потемнело и выступили слезы. Ружье упало на пол, свет от подствольного фонаря прочертил тонкий луч, осветив самодельную печку.

Смолин почувствовал странную слабость в теле, его ноги подогнулись, как если бы из них вырвали коленные чашечки. С тихим всхлипом он осел вниз, одновременно ощущая, как в паху набухает горячая влага. Он пополз назад. Медведь молча взирал на человека, не предпринимая попыток его догнать.

Бегло оглянувшись, Виктор увидел позади себя открытый погреб. Еще одно движение… Еще чуть-чуть… Всего полметра…

Он кубарем скатился вниз, больно ударившись коленом о ступеньки. Однако несмотря на падение, он тут же вскочил и кинулся закрывать крышку погреба.

«Он разнесет ее так же, как и дверь», – напомнил ему внутренний голос, но Смолину было некогда размышлять об этом. В такой ситуации организм действует чисто механически, руководствуясь инстинктом самосохранения. Тем более иных вариантов у него сейчас попросту не было.

Внутренней щеколды и вообще какого-либо замка на деревянной крышке не было, и Смолину ничего не оставалось, как просто удерживать вход в погреб руками.

Он сплюнул скопившуюся во рту кровь.

– Что, сержант, запахло жареным? – раздался в темноте усмехающийся голос егеря.

– Я ранил его, – бросил Виктор. – Потом вышла осечка.

– Да, я уже понял.

Олег вздохнул.

– Не повезло тебе, верно? Эти буржуйские ружья – полное говно. То ли дело наше, отечественное.

Смолин молчал, не желая вступать в дискуссию. Было слышно, как медведь бродил по дому, тяжело ступая лапами. Неожиданно зверь заворчал, за этим последовал стук, будто что-то упало на пол.

– Вот и я говорю, сержант, – снова вклинился егерь. – То ли дело, наша старая «берданка». А еще лучше – рогатина. Уж та никогда не подведет. Но рогатины у нас нет. Чуешь, к чему я веду, сержант?

– Отвали.

– Интересно, что он там наверху делает. Как думаешь? – спросил Шибаев.

– Я не экстрасенс. Заткнись.

Олег засмеялся.

– Ты думаешь, зверь не знает, где мы?

«Думаю, знает. Это просто временная передышка», – подумал Виктор.

Шум наверху продолжался недолго, и скоро все стихло.

Прошло несколько минут. В доме царила тишина, и Виктор осторожно приоткрыл крышку погреба.

Он медленно вылез наружу, оглядываясь.

Медведя нигде не было. Ветер уныло стучал о косяк обломками двери.

Зверь ушел, но в воздухе все еще плавал его запах.

Смолин поднялся на ноги. Его взор был направлен на пол у входа. В голубовато-холодном, мерцающем свете луны явственно выделялись черные подсыхающие кляксы. Кровь.

Виктор выглянул в окно.

Пусто.

Он принялся искать карабин и нашел его за печкой, как и «Тигр» егеря. Оба ружья были в плачевном состоянии – приклады изжеваны, цевья расщеплены, стволы погнуты и икорежены, будто по ним проехался трактор.

Он пнул ногой бесполезный хлам и, взяв с полки запасной фонарь, принялся водить лучом по стенам, пока не наткнулся на крюк-распорку, древнее оружие орочонов.

Сорвав его со стены, Смолин вернулся в погреб.

– Где Юма? – спросил Олег. Виктор направил ему в лицо фонарь, и тот зажмурился.

– Я не знаю. Может, она убежала, – сказал он. – А может, ее задрал медведь.

– Ты чуть не отгрыз мне палец. Совсем сбрендил?

– Не нужно было совать свои клешни мне в глаза, придурок, – ответил Смолин.

– Ладно, сержант. Давай, рассказывай, – мягко произнес егерь. – Теперь-то ты точно не отвертишься.

Смолин медлил. Кровь из прокушенного языка стекала из уголка губы и, скапливаясь на подбородке, капала на грудь.

– Говори! – вдруг рявкнул Олег. Учитывая, что он был связан, выглядело это странно, но, невзирая на данное обстоятельство, егерь вел себя так, словно это Виктор валялся обмотанный веревкой на земляном полу, а не он.

Смолин положил включенный фонарь на ступеньку так, чтобы луч был направлен в потолок.

– Не поверишь, – медленно, с расстановкой сказал он, разглядывая потемневший от времени и ржавчины крюк. – Но сразу себя уверенней почувствовал.

– А то, – с удовлетворением крякнул егерь. – Когда ковали такие штуки, специально шаманов звали. Они плясали и песни у костра горланили, чтобы,

значица, сильный дух вселить в оружие. Чуешь?

Несведущий в ситуации мог бы решить, что два старых приятеля обсуждают погоду.

– Чую, – улыбнулся Виктор.

– Ни хрена ты не чуешь, болван, – вдруг посерьезнел егерь. – Зато я чую, что ты свои штаны обоссал. За версту несет от тебя, как от нужника.

Лицо Виктора ничуть не изменилось. Он придвинулся ближе к Олегу, не сводя с него сузившихся, как у рыси, глаз.

– Как ты там говорил, старик? Засунуть эту хрень в рот? – вкрадчиво поинтересовался мужчина. Он медленно вытянул руку, ткнув ее в губы Шибаева. – Открой пасть.

– Не валяй дурака, – сказал Олег, но лицо его покрылось мертвенной бледностью. Острый край распорки царапнул верхнюю губу егеря, выступила кровь. – Убери!

– Я хочу проверить, влезет ли эта штука тебе в глотку, – зашипел Виктор. Он слегка ударил крюком по губам пожилого мужчины, во рту егеря хрустнул зуб.

– Хватит! – заорал он, вертя головой. – Опомнись, сержант!

Виктор моргнул. Зачем-то высунул прокушенный язык, обвел им губы. С бледным, похудевшим лицом и окровавленным подбородком он напоминал вылезшего из гроба вампира.

– Ты когда-нибудь смотрел фильм «Смерть среди айсбергов», а? – неожиданно спросил он.

Егерь издал сиплый звук, наморщил лоб.

– Это про кита, что ли? – неуверенно спросил он.

– Про касатку, – уточнил Смолин. – Это хищный дельфин, а не кит. Помнишь, как самец мстил за свою семью охотнику?

– Примерно, – отозвался егерь. – Вспомнил. Я этот фильм давно смотрел, где-то в восьмидесятых. В Красноярске в кино с подругой ходил.

– Кино – хорошее дело, – одобрительно цокнул языком Виктор. – Я тебе сейчас тоже одно кино расскажу, старик. Оно очень похоже на этот фильм. Это было шестнадцать лет назад. У меня был кореш, Серега Карпенко. Охотник от бога. Не то, что я. Двадцать шесть медведей добыл, кабанов за полсотни и стрелял похлеще снайпера. У него родня жила в Тайшете. Он сам родом оттуда и хоть потом в Москву переехал, места здешние хорошо знал. Подрабатывал он иногда. Не то чтобы совсем законно.

Смолин запнулся, будто испытывая неловкость, оправдывая покойного друга.

– Браконьерствовал? – коротко поинтересовался егерь.

– Да. В общем, медвежат ему тогда заказали. Срочно, и деньги хорошие пообещали. Дело весной было, медведи уже просыпаться начали. Где мы только не лазали, полтайги обшарили… Но не везло нам, и все тут. И ладно я, но Серега-то – парень будь здоров, с семи лет ружье в руках держал… В общем, то на охотничьих инспекторов нарвались, то сами чуть под облаву не попали. Две берлоги нашли, а они пустые. Один раз на самца нарвались, пришлось пристрелить. А целый приплод молодых медвежат ну никак не попадался.

Смолин немного помолчал.

– Потом Серега вспомнил про Вороний мыс, – снова заговорил он. – Мол, если уж там не найдем, то откажемся от заказа, раз такая непруха. Ходили слухи про эти места, мол, что на охоту здесь табу наложено, но мы только ржали над этими байками. Молодые были, кровь кипела. Да и деньги хорошие предлагали за медвежат. Так вот, старик. Мы высадились у Вороньего мыса. Шли вместе, пустили собак. Слышим – залаяли. У корневища увидели сорванные пласты мха и дерна, явный признак берлоги… собаки прямо надрываются. Ну и… – Виктор взмахнул в спертом, подвальном воздухе стальным крюком: – Пиф-паф. Ясно?

Не дождавшись реакции от Олега, он продолжил:

– Медведицу убили наповал. В берлоге оказалось четыре медвежонка. Красавцы с мягкой шерсткой, с уже открытыми глазками. Мы их с Серегой в мешок. Только стали к лодке спускаться – из леса самец вышел. Порвал наших лаек. Серега в него выстрелил, ранил только. Я промазал, страшно было. Я ведь до этого только на лисиц ходил.

Он перевел дух и задрал голову, словно прислушиваясь к чему-то. Потом снова заговорил:

– Это был самый настоящий мамонт. Гора, а не медведь. Килограммов триста пятьдесят, может, больше. На груди – рыжий с проседью мех вроде подпалины. Мы уплыли. А он стоял на берегу и ревел вслед. Думали, вернемся на следующий день, добьем самца и заберем медведицу. Так вот, когда мы вернулись, никого не нашли. Ни медведицы, ни самца. Куда делись – черт знает. Или бог.

– Что стало с медвежатами? – хмуро спросил егерь.

– Все пошло наперекосяк. Серега позвонил посреднику. Тот сказал, что ситуация изменилась, и ему нужно только два медвежонка, остальных двух наотрез отказался выкупать. А нам куда их девать? Не везти же обратно… Пришлось ненужных утопить в реке. Прямо в мешке живьем выбросили. А оставшихся Серега отвез тому мужику. Я его не знал, с ним Серега связь держал, мне только деньги передали…

В общем, вроде забыли об этой истории. Да, гадское дело совершили, но что сделали, то сделали. Назад не вернешь. Уехали в город, каждый своей жизнью зажил. Да вот только, как она, жизнь, показала, ничего не закончилось. Все только начиналось. У Сереги два сына росли. На тот момент, когда все случилось, старшему было двадцать два года, второй вообще подростком был, ему только шестнадцать исполнилось. И в общем…

Виктор сделал в воздухе двусмысленный жест.

– Как-то он с сыновьями двинул куда-то под Иркутск. Поехали уток стрелять и порыбачить. Вечером сидели у костра, уху варили и о всякой ерунде трепались. И вдруг из леса вышел медведь. Прямо на них пошел. Серега ничего и подумать не успел, как зверь лапой полчерепа снес старшему. Младший в шоке, застыл на

месте, как прирос. Серега за ружье. А медведь как ни в чем не бывало подошел к парню и по спине ему лапищей. Позвоночник сломал. Потом в лес пошел. Понял, Олег? Зверь вышел на огонь! Где ты такое видел?! Он не тронул отца, а расправился с его сыновьями! Серега, конечно, пошел следом и убил медведя. Но что в итоге? Старший сын умер. Младший сошел с ума, став инвалидом. Парень никого не узнавал и уже никогда не вставал с коляски. Чуешь, старик?

– Чую. Еще как чую, – уныло откликнулся егерь.

– Жена не простила этого Сереге, ушла от него. А у него крышу сорвало, не выдержали нервы. Несколько дней назад он младшего сына задушил, а сам застрелился, практически на моих глазах. Так вот.

Виктор оглянулся по сторонам, как загнанный зверек в поисках любого пути для побега от опасности.

– Это что касается моего приятеля. Но я не рассказал о себе. У меня тоже есть дети. Точнее… в общем, два месяца назад…

Он сбился, беспомощно посмотрев на егеря. Напускное спокойствие, надменный взгляд и холодная размеренность куда-то испарились, теперь он был похож на заблудившегося, насмерть перепуганного ребенка. Будто стальной стержень, повзолявший ему до поры до времени держать себя в руках и контролировать обстоятельства, надломился, и все рухнуло вниз, обнажая истинное положение вещей.

В ответном взгляде егеря не было и тени сочувствия. Шибаев разглядывал сидящего перед ним мужчину с чувством строгого презрения.

– У нас была дочка. Сашка. Не дожила до девятнадцати лет всего шесть дней, – вымученно проговорил Виктор. – Она… она любила походы. Да. Могла костер разжечь с помощью пакета с водой, представляешь? Находила угол и как линзу его при лучах солнца держала… Ориентироваться научилась без компаса… Мальчишки за ней табунами ходили…

Из глаз Смолина закапали слезы. Грязной рукой он вытер лицо.

– Они пошли в поход, на две недели в Финляндию. Их было человек пятнадцать, они остановились в каком-то кемпинге. Я постоянно держал с ней связь. За день… – голос Виктора дрогнул, – за день до возвращения… это случилось. Они легли спать в палатку. Три девчонки, среди которых была моя Сашка. А ночью в их лагерь пришел медведь. Он разорвал палатку и вытащил мою дочь наружу. Начался переполох. Проснулся весь лагерь. Кто-то зажег фонари. Все разбежались по кустам и смотрели, как медведь на куски рвал мою дочь. Мою любимую Сашку. А она кричала и звала на помощь. Только потом кто-то догадался позвонить в полицию.

Виктор перевел преисполненный мучительной болью взгляд слезящихся глаз на егеря:

– Медведя застрелили, но мне-то что? Зверь выбрал ее. Он выбрал мою дочь. Из трех – только ее! Медведь убил ее, он терзал ее, пока она еще была жива! Ее собирали по частям, как рваные клочья от платья! Она…

– Медвежата тоже не хотели умирать, – тихо, но решительно перебил его Олег. – Так же, как и их мать, сержант. Которую ты и твой кореш Серега застрелили.

– У меня остался сын. Его зовут Артемка, – прошелестел Смолин, словно не слыша егеря. – Это все, что у меня осталось. Кроме жены, конечно. Я за него сам порву кого угодно. Хоть папу римского. Если с ним что-то случится…

Последняя фраза прозвучала почти как стон.

– Моя мать была с ним на какой-то выставке на днях! – заорал он. – И Артема чуть не прибила чугунная скульптура! Кого бы ты думал? Долбаного медведя! Упала с какой-то подставки в миллиметре от головы моего сына! Но никто эту бандуру не трогал!! Как будто все сговорились против меня!! – Виктор обхватил руками виски, словно пытаясь унять пульсирующую боль. – Я не могу понять одно. Эти медведи… Они все разные! Это что, круговая порука?! Телепатия? Как они… как они поняли? И почему умирают самые дорогие нам?!! В чем провинились дети?!

– Очень просто, – произнес Шибаев. Он устало прикрыл веки. – Закон древних, сержант. Зуб за зуб. И я предупреждал тебя. Никто просто так не суется сюда, это место всегда обходили стороной. Сюда даже на шашлык никто не

приезжает. Я уж молчу про охотников с рыбаками. Здесь все другое. Звери, рыба. Даже комары. Даже трава. Даже вода и воздух, сержант. А я – старый мудила, который повелся на твои вонючие деньги. Ты захотел одним прыжком в рай запрыгнуть, но у тебя штаны порвались.

– Почему ты так испугался воронов? – пытливо уставился на егеря Виктор. Минутный всплеск эмоций быстро растворился, будто его и не было, и Смолин снова взял себя в руки. – Только не ври мне, старик. Не хотелось бы заставлять тебя глотать этот забавный крючок.

Егерь заерзал на полу, пытаясь принять более удобное положение.

– Не нужно меня пугать этой железякой, молокосос.

– Я не пугаю, – осклабился Смолин. – Я просто устал от тебя. Поэтому не зли меня, старик.

– Что тебе с того, сержант? Можно подумать, после моих слов ты изменишь свое решение.

– Если ты не расскажешь, мне придется сделать тебе больно, – ровно произнес Виктор. – Не вынуждай меня делать это.

– Как хочешь. Это очень старая история. Очень давно тут жили большие семейства воронов. Они были огромными – размах крыльев доходил до полутора метров. И здесь они чувствовали себя хозяевами мыса. Рассказывали, что однажды кому-то из правителей пришло в голову, что эти птицы – посланники дьявола. Их начали отстреливать, на них ставились ловушки, их травили ядом… Вороны покинули мыс. Но после этого никто не мог охотиться в здешних местах. Тот, кто убивал ради трофея животное, умирал сам или терял кого-то из близких. Вороны заклеймили это место. Все местные знают это, но никто не скажет об этом открыто, сержант. Потому что тебя посчитают психом.

– Бред. Полный бред, – с трудом проговорил Виктор, будто каждое слово ему приходилось выплевывать.

– Я скажу тебе больше. Я был здесь год назад. Обошел лес, крышу в избе отремонтировал, дрова заготовил. За неделю я ни одного ворона не видел. А сейчас они здесь. Чуешь? Они сюда слетаются, когда справедливость начинает брать свое! Понял теперь? Их скоро здесь будет целая туча, сержант. Вы совершили грех, когда убили лончаков. Они ведь совсем крохотные! Как ты считаешь, зачем они понадобились вашему, как его, заказчику?

Виктор помотал головой.

– Не знаю.

– А я догадываюсь. На чучела скорее всего пошли. В Китае, например, такие игрушки очень любят. А может, их просто съели. Но вам это все было по барабану, главное для вас было бабок срубить. Но это уже не важно. Вы свою судьбу сами выбрали.

Некоторое время никто из них ничего не говорил. Затем Виктор произнес упавшим голосом:

– Я вижу сны. Постоянно. Иду по улице – вокруг люди, а головы у них медвежьи. Прихожу домой – в холодильнике мертвые медвежата. Еду на машине – посреди трассы стоит медведь. Стоит неподвижно и смотрит. Смотрит прямо на меня, будто взглядом насквозь прожигает. А еще в каждом сне я вижу петлю. Будто… будто меня подталкивают к самоубийству. Сначала я не верил. Потом понял. Этот самец – он жив. Он до сих пор жив, старик. И он хочет мести. Это ведь он вчера приходил к избушке. И сейчас это он был. Я узнал его по отметине на груди. Сколько живут медведи?

– Двадцать-тридцать лет. В неволе больше.

– Значит, он вполне мог прожить эти шестнадцать лет.

Внезапно Смолин зашелся хохотом. Лающим, хрипло-отрывистым, который уже с трудом можно было назвать человеческим. Оглядевшись по сторонам, словно кто-то мог подслушивать их в таком месте, он сообщил с заговорщическим видом:

– Представляешь, он сломал наши ружья. Ничего не тронул. Ну, кроме двери. А ружья – в хлам.

– А ты догадываешься, зачем он это сделал?

Неприятная ухмылка вновь исказила лицо Смолина.

– Конечно. Я же не дурак.

Он потряс в воздухе древним оружием орочонов.

– Как ты там говорил? Засунуть эту штуковину ему в пасть?

– У тебя ничего не выйдет, – покачал головой егерь. – Он порвет тебя.

– И все равно я пойду в лес. Я должен.

Пожевав губами, Олег вдруг сказал:

– Ты ничего не изменишь, сержант. Даже если убьешь зверя.

Лицо Виктора приняло насупленное выражение, нижняя губа оттопырилась, а брови сдвинулись. В нем все больше проклевывалось нечто звериное.

– Какого черта? Почему?

– Потому что таков закон Вороньего мыса. Ты забрал у медведей деток. Теперь у вас забирают ваших. Баш на баш.

– Нет! – прохрипел Смолин.

– Да. Если ты убьешь его, твой сын все равно умрет. Представляешь себе каток, сержант? Который по наклону катится? Так вот, вы со своим корешом завели этот каток. Сначала он проехался по твоему Сереге, теперь догоняет тебя. И его уже никак не остановить.

Лицо Виктора было похоже на восковую маску, вместо глаз – пустые дыры, словно отверстия от палок в талом снегу.

– Ты предлагаешь мне оставить все как есть и вернуться домой? – свистящим шепотом произнес он. – Нет, старик. Проще действительно повеситься.

– Раньше надо было думать. Знаешь, что такое цуцванг? В шахматы играл когда-нибудь? Это когда какой бы ты ход ни сделал, дальше будет только хуже. Сейчас ты в точно такой же ситуации.

– Я должен попытаться, – упрямо заявил Виктор. – Другого выхода я не вижу.

Кряхтя, он поднялся на ноги.

– Развяжи меня, – потребовал егерь.

Смолин загадочно улыбнулся. Окровавленный клоунский рот разъехался в стороны, как открывшаяся рана.

– Нет. Тебе придется пожелать мне удачи. Если я убью медведя, я вернусь, и мы уедем отсюда. Если нет… что ж, значит, у тебя такая судьба. Ты тоже в какой-то степени повязан со мной, старик. Не забывай о моих «вонючих деньгах», на которые ты позарился.

– Если тебя убьют, я сдохну в этом подвале. Мой помощник будет здесь только через неделю. Оставь хотя бы воды!

– Извини, старик. Тебе остается только молиться, чтобы я вышел победителем. Молись и пой песню про свой гребаный камыш. Если я тебя сейчас развяжу, ты можешь наделать глупостей. Да, чуть не забыл!

С этими словами Виктор достал из внутреннего кармана бумажник, отсчитал пачку купюр и засунул егерю за ремень.

– Чтобы ты лучше молился за меня, – захихикал он. – Это твой гонорар, старик. Ты все-таки помог мне и заслужил эти бабки. Подумай о своей жене и океане, который ты ей обещал. Может, тогда твои молитвы помогут мне выйти

победителем.

Егерь глубоко вздохнул.

– Океан, говоришь… Ладно, слушай. Возьми мой нож, он под лежанкой. Может, у тебя будет шанс. Постарайся нырнуть ему под брюхо, режь против шерсти, снизу вверх. Или попробуй прием с распоркой. Как только он заглотит ее, быстро выдергивай руку и режь ножом. Не давай ему подмять под себя. Помни про шею…

Виктор рассеянно кивнул и начал подниматься по ступенькам наверх.

– Эй, сержант! – позвал Шибаев. – Дай хоть ириску! Живодер!

– Не дам. От сладкого зубы портятся.

Он скрылся в доме, закрыв погреб крышкой.

Лицо егеря помрачнело.

– Если тебя порвет косолапый, а я тут сдохну, то здоровые зубы мне ни к чему, – проворчал он и, вздохнув, добавил: – Можно вытащить из грязи человека. Но очень сложно эту грязь вынуть из самого человека.

Несколько минут Виктор безмолвно сидел у окошка. Снаружи выл ветер, шелестя листвой в кронах, затем стал накрапывать дождь.

– А говорил, погода будет хорошая, старик, – хмыкнул мужчина. Он нагнулся, достав из-под лежанки тяжелый нож с широким лезвием. Вынул его из обтрепанных ножен, провел подушечкой большого пальца по лезвию. Кожа тут же разошлась, как «молния» на куртке, наружу выступили бусинки крови.

С помощью ножа он разрезал одеяло на лоскуты и плотно замотал ими левую руку до локтя. Взял крюк-распорку, взвесил ее в руке.

После этого мужчина закрепил нож егеря на поясе. Взглянув в окно, он понял, что фонарь не понадобится – начинался рассвет.

Он помнил, что медведи – ночные хищники. Но сейчас охотник не сомневался, что зверь поджидает его. Он будет ждать, сколько понадобится.

«Я иду», – мысленно произнес он, испытывая необъяснимо двойственное ощущение – смесь дикого, первобытного страха и азарта, который, словно впрыснутый наркотик, мчался, разветвляясь по кровеносной системе, подгоняемый каждым последующим ударом сердца.

Перед тем как покинуть избу, Виктор перекрестился.

На негнущихся ногах охотник вышел наружу. Он наступил на останки разорванной Юмы, даже не взглянув на кровь, которая осталась на ботинке. Впрочем, кровь быстро смыл дождь.

Было начало седьмого утра.

Москва, воскресенье, 11.09

Пожилая женщина лет шестидесяти пяти включила электрический чайник.

– Ларис, а Артем варенье любит? – спросила она, открывая банку с клубничным лакомством.

На кухню вошла женщина. На вид ей было чуть меньше сорока, и если бы не отсутствующий, безучастный взгляд, ее можно было бы назвать привлекательной и даже красивой.

– Иногда ест, – ответила она, доставая из холодильника сыр с ветчиной. – По настроению. Мария Николаевна, вы с Витей не разговаривали? Я вчера звонила, у него третий день телефон молчит.

– Он мне вообще в последнее время не звонил, – поджала губы Мария Николаевна. Она вздохнула. – Я, конечно, понимаю, такое случилось… Но зачем он уехал сейчас? Ничего не понимаю!

– Сказал, срочно по делам в Тайшет, – тусклым голосом произнесла Лариса. Она начала намазывать хлеб плавленым сыром, и от матери Виктора не ускользнуло, что все движения невестки были вяло-заторможенными, как у робота, чей заряд энергии подходил к исходу.

– Какие у него дела в Сибири? – буркнула Мария Николаевна. Чайник быстро закипел, издав щелчок включающей клавиши, и она начала разливать кипяток в чашки. – Вся его родня и друзья здесь! К тому же с его приятелем, Сережей, тоже беда приключилась… Следователь сказал, чтобы Витя в Москве был, а тот взял и в Тайшет махнул!

Лариса принялась резать ветчину, и лезвие, внезапно соскочив, рассекло ей подушечку указательного пальца. Мария Николаевна встревоженно охнула.

– Я сама, не вставайте, – сказала Лариса. – Ничего страшного.

– Господи, прямо что-то все не так и не эдак, – посетовала свекровь.

Между тем Лариса сунула кровоточащий палец под холодную воду, затем обернула его салфеткой.

На кухню заглянул мальчик с темно-русыми волосами и веснушчатым носом.

– Печенье еще осталось? – деловито поинтересовался он.

– Сначала завтрак, потом сладкое, – строго сказала бабушка, и карапуз надулся.

– А что мы потом делать будем? Мне скучно, – заявил ребенок. Усевшись на стул, он начал болтать ногами.

– Гулять пойдем, – ответила Мария Николаевна.

– А кто?

– Все втроем, – терпеливо произнесла бабушка.

– Я, мама и ты? Эх, жалко, Саши нет…

Лариса, до этого неподвижно смотревшая в окно, вздрогнула.

Мальчик подвинул к себе бутерброд с сыром и надкусил его.

– Артем, – осторожно начала Мария Николаевна. – Мы же с тобой говорили…

– Да, да, – как ни в чем не бывало сказал малыш. – Саша улетела на небо. Но почему? Мне скучно без нее. Она же ведь не старенькая? Это старенькие всегда на небо улетают… Как твой дедушка. Папа говорил мне. А Саша была не старенькой.

Лариса слегка покачнулась, будто потеряв равновесие и, осторожно ступая, вышла из кухни. Свекровь видела, что глаза женщины блестели от слез.

– Артемка, – дрогнувшим голосом сказала пожилая женщина, чувствуя, как у нее самой в горле застрял ком. – Иногда бог забирает к себе на небо и совсем молодых. И даже маленьких.

– Но почему?

На нее в упор смотрели темно-серые ясные глазенки внука. Эти глаза были доверчивыми, но сейчас они требовали ответа.

– Так устроена жизнь, Артем. Бог любит нас, но… иногда люди уходят от нас раньше времени. – Бабушке с трудом удавалось подбирать нужные слова. Она словно выискивала в густой траве землянику, пригнувшись и щурясь, стараясь при этом не обжечься о крапиву. – Видишь ли… Сашенька была хоть и молодой девушкой, но очень хорошей. Она сделала то, что должна была сделать в жизни. Понимаешь, Артем? Это называется – выполнить свое предназначение. Ей сейчас там, наверху, очень хорошо. Она смотрит на нас и очень огорчается, что мы так долго переживаем за нее. Она хочет, чтобы мы жили дальше, Артемка. Жили и развивались. Особенно ты. Сашенька ведь очень любила тебя. И она будет радоваться твоим успехам. Очень радоваться. Поэтому не подведи ее.

Мария Николаевна наклонилась, поцеловав внука в макушку. От него исходил легкий аромат детского шампуня из мяты. Артем сделал глоток чаю и снова взглянул на бабушку.

– Бабуль, а я буду долго жить? Мне пока еще рано лететь на небо?

Бабушка отвернулась, желая скрыть выступившие слезы.

– Рано, Артемка. Ты будешь жить очень долго, и у тебя все будет хорошо. У тебя еще очень много дел здесь.

Она поднялась со стула и направилась в гостиную. Лариса меланхолично перебирала журналы с выкройками. Увидев свекровь, она выдавила слабую улыбку:

– Хочу заняться платьем. Давно собиралась, а тут старые журналы под руку попались… Хоть немного отвлекусь. Потом обед приготовлю.

– Конечно, Лариса, – торопливо закивала пожилая женщина. – А мы погулять сходим, ладно?

Она вернулась на кухню.

– Артем, допивай чай. Погода хорошая, пойдем на улицу!

Мальчик быстро осушил свою кружку с изображенным на ней роботом и поинтересовался:

– А куда?

– Ну, во дворе можно погулять, к горке сходить. Хочешь, на пруд пройдемся, уточек покормим?

Карапуз скривился, будто надкусил лимон:

– Скучно. Мы там вчера с мамой были. Эти утки уже толстые, их все подряд кормят.

После раздумий, бабушку вдруг осенило:

– Я знаю, куда мы пойдем! Это будет сюрпризом для тебя! Тебе понравится, обещаю!

Лицо Артема засияло.

– Правда! А это очень интересное место?

Иркутская область, Тайшетский район, воскресенье, 6.28

Виктор брел в сторону реки. Он шел неторопливо и степенно, с видом человека, который четко видит свою цель и будет идти к ней, невзирая ни на какие препятствия. Мужчина глубоко дышал. Он широко переставлял ноги, вороша ступнями хвою и листву, будто находился не среди деревьев в лесу, а на ледяной горке и боялся поскользнуться. В одной руке он с остервенением сжимал перед собой, как факел, стальной крюк-распорку, пальцы другой руки то и дело тянулись к ножу, болтающемуся на ремне. Со стороны могло показаться, что из могилы выкопали труп, привязали к его конечностям невидимые ниточки, с помощью которых безумный кукловод управлял мертвецом, в миру известным как Виктор Смолин.

Он не заметил, как в двух шагах от него, подпрыгивая, ковылял большущий ворон. Птица хитро поглядывала на мужчину, стараясь не оставать от него.

– …и тогда Машенька легла спать… спать… – бубнил под нос Смолин. Он морщил лоб, словно тщетно пытаясь вспомнить последовательность событий сказки. – А потом пришли хозяева… Три медведя…

Впереди, сквозь высившиеся черные стволы сосен замерцала речка.

– …они сожрали Машеньку… Чертовы людоеды… а потом пришел папа Машеньки… И поймал в капкан всех трех… трех медведей… Он наказал их… Да-да… Отрубил им лапы… Посадил в клетку… а клетку опустил в кипяток…

Ворон каркнул, словно выражая недовольство столь радикальной интерпретацией сказки, и Смолин исподлобья взглянул на птицу.

– Что ты тут делаешь, горшок с крылышками? – осведомился он. Шагнул к ворону, замахнувшись ногой для удара, но птица ловко отскочила на метр, все так же хитро косясь на охотника.

– Не подходи ко мне, – предупредил Виктор.

Ворон каркнул в ответ.

– Совершенно с тобой согласен, – пробормотал мужчина. – Хоть я ни хрена и не понял.

Он вышел на берег. Огляделся. Над лесом разбухшим одеялом нависли грязно-серые тучи, дождь уже лил сплошной стеной, образуя на впадинах и рытвинах небольшие озерца.

– Я знаю, где ты. С самого начала мне нужно было ждать тебя возле берлоги, – изрек он, глядя куда-то поверх леса. – А не устраивать эти идиотские привады с лабазами и засидками. Напридумывали жаргонных словечек, как в зоне. Тьфу!

Ворон недовольно каркнул, но Виктор даже не взглянул на него.

– Я разделаюсь с тобой, медведь, – улыбаясь, проговорил мужчина. – Мишка-топтышка. Разделаюсь, старый хрыч. Ты ответишь мне за Сашку.

Пошатываясь, он направился вверх по течению. Туда, к громадному валуну у берега. Ворон, подскакивая, двигался за охотником. Но Смолин уже не обращал на птицу внимания.

На северо-западе загрохотал гром, свинцово-тусклое небо распахало обжигающе-яркое зазубренное лезвие молнии.

– Думаешь… ты сильнее меня? – тщательно выговаривая каждое слово, спросил Смолин.

Пройдя еще несколько шагов, он увидел камень у воды. Его верхушка слегка двигалась, приподнимаясь и опадая, как живая, но Виктор даже издалека видел, что валун облепили вороны.

– Убью. Убью медведя. А потом вас, – пообещал он. Приблизившись к камню, он несколько секунд с отвращением разглядывал копошащуюся угольно-черную массу.

– Кто вы такие? Гребаные мстители? – пронзительно вскричал он. – Кто вам дал право отнимать жизнь моих детей?!

Он поднял камень, но прежде чем он взлетел в воздух, вороны взмыли наверх. Камень, отскочив от валуна, с плеском упал в воду.

– Трусы, – скривился Виктор. Повернулся лицом к лесу. Где-то там, в глуши, его поджидал заклятый враг. Он ждал его целую вечность. Во всяком случае, для медведя шестнадцать лет уж точно целая вечность.

Онемевшими от холода пальцами охотник расстегнул ножны.

– Когда все будет готово, я закопаю тебя в этой же берлоге, – сказал Виктор, вытянув нож в сторону леса. – Со всеми медвежьими почестями. А потом я вернусь домой. К своей семье.

Ему показалось, как в чаще скользнула тень.

Охотник поспешил в заросли.

Москва, воскресенье, 12.30

Мария Николаевна и Артем поднялись наверх по эскалатору и вышли из душного метро.

– Кепку надень, Артем.

Мальчик с явным неудовольствием натянул на голову синюю кепку. Он с нетерпением дернул за руку бабушку:

– Куда мы приехали?

– Подожди секунду.

– Раз. Секунда прошла, – капризно заявил Артем.

Они прошли несколько метров, завернув направо, и его лицо озарилось.

– Зоопарк? Ура!

Купив билеты, бабушка с внуком прошли на территорию зоопарка. Без особого интереса глянув на птиц, они обошли пруд, сфотографировали розовых фламинго и направились к вольерам.

Светло-серый волк лежал на камне, безмятежно греясь на солнце. Смотреть на него было скучно.

Огромный зубр мрачно жевал траву, изредка окидывая собравшихся у ограды посетителей многозначительным взглядом. Артем поморщился, увидев большие проплешины на боках животного, и спросил у бабушки, где можно увидеть жирафа. Она ответила, что не знает, и они пошли дальше.

Наконец они остановились возле указателей.

– Пойдем туда, Артемка. Кажется, жирафы там, – показала рукой бабушка. – Там еще зебры есть.

Мальчик задрал голову. Он еще только учился читать, но из алфавита знал всего лишь несколько букв. И поэтому он не смог прочитать еще одну табличку, расположенную рядом с «жирафом». Но он отлично видел, что на этом указателе был изображен силуэт медведя.

– Конечно, давай скорее! – заулыбался он.

Иркутская область, Тайшетский район, воскресенье, 6.39

Спотыкаясь, Виктор напролом бежал вперед. Туда, где была берлога. Туда, где мелькала странная фигура. Странно знакомая… и так непривычно смотревшаяся в здешних местах.

Остановившись в нескольких метрах от фигуры, он замер, не в силах вымолвить и слова.

Это была Лариса. Не считая обрывков медвежьей шкуры, на ней ничего не было. Кожа в ссадинах и грязных разводах, волосы липкой паклей свисают на худенькие плечи, трясущиеся от холодного дождя. В руках женщина держала Артема, он был совершенно голый и сосредоточенно сосал пальцы руки.

– Скорее, Витя, – хрипло позвала жена, испуганно озираясь вокруг. – Скорее!

К изумлению Смолина, она начала протискиваться в берлогу, вместе с сыном.

– Они идут сюда, – хрипела она. – Плохие люди. Они уже убили нашу дочь… Прячься с нами… Прячься… закрой вход ветками…

Смолин вскрикнул, отчаянно потер глаза и снова открыл их.

Видение не исчезло. Лариса копошилась в берлоге, пытаясь спрятать Артема. Тот встревоженно ворчал (почти как медвежонок), будто понимал, что его семья в опасности.

Виктор упал на колени. Тыльной стороной ладони ударил себя по лицу, затем стиснул зубами прокушенный язык. Едкая боль мгновенно всколыхнулась огнем, заставив охотника исторгнуть мучительный стон. Изо рта потек свежий ручеек крови. Смолин поднял голову, дико вытаращенные глаза лихорадочно блуждали по сторонам.

Он был один. Вокруг берлоги валялись клочья мха и еловые ветки.

Виктор пополз к берлоге.

«Я схожу с ума», – с ужасом подумал он, заглядывая в чернеющий зев ямы. Медвежья зимовка была пуста.

(Плохие люди.)

Он воткнул нож в мокрую слякоть, провернул вокруг лезвие, выворачивая наружу вязкий комок земли.

– Я здесь! – закричал он. – Ты слышишь?! Я пришел!!!

Сверху посыпалась труха, захлопали крылья, и рядом с ним опустился ворон. Еще два ворона сидели слева от берлоги, внимательно следя за охотником.

Виктор завыл от бессилия. Он выпрямился, оглядываясь. Вопль застрял в глотке.

Вороны были повсюду. Черные бестии усеивали деревья, словно молчаливые призраки из какого-то третьесортного слэшера. Некоторые расположились прямо в траве, посреди валежника и наваленных веток. Громадные клювы тукло поблескивали, словно грозные острия копий.

– Прекрасно, – выдохнул Виктор. Он сплюнул на ладонь сгусток крови, начав неторопливо размазывать кровавую массу по лицу, словно грим.

За спиной треснула ветка, но охотник не спешил поворачиваться.

– Ждете представления? Да? – спрашивал он, глядя на живой ковер из черных как сажа птиц. Наконец все его лицо было покрыто собственной кровью. Странно, но дождь, попадая на кожу, не смывал ее.

Сзади явственно слышались чьи-то шаги, и Виктор развернулся.

Медведь стоял метрах в десяти от него, низко опустив голову, он будто что-то высматривал в мокрой траве. Зверь хрипло и натужно дышал.

Виктор издал дикий, протяжный крик.

Медведь уставился на него. Крохотные, запавшие глазки медленно наливались кровью.

В следующую секунду он кинулся на охотника.

Там же, воскресенье, 6:41

Как только Смолин покинул сторожку, Олег без труда освободился от пут. Во-первых, этот салага-сержант абсолютно не умел связывать человека. Ни связывать, ни вязать узлы. Ну а во-вторых, даже круглый дурак знает, что когда тебя связывают, мышцы нужно максимально напрячь, чтобы потом незаметно расслабить, и веревка провиснет. Пока «сержант» вязал его, Олег был в сознании, просто притворялся, будто находился в отключке. Поэтому несложный фокус удался, и на все про все у него ушло не более десяти минут.

Шибаев поднялся наверх, потирая затекшие запястья. Взгляд егеря тут же упал на искореженные ружья. Он недоверчиво взял свой «Тигр», осмотрел искривленный ствол, покачал головой. Потом повесил на плечо потрепанный ягдташ[3 - Сумка для ношения убитой дичи и необходимых на охоте приспособлений (от нем. «Jagdtasche»). Обычно состоит из кожаной или парусиновой сумки с одним или несколькими отделениями.] и уже хотел идти в лес, как, поразмыслив, захватил с собой из сеней топор.

Против медведя, конечно, топор бесполезен.

Но он может пригодиться, если у сержанта окончательно съедет крыша.

Ведь Виктор думает, что он еще там, в погребе.

Олег вышел наружу. Заскрипел зубами, увидев растерзанные останки Юмы. Сгорбившись, егерь подошел к мертвой лайке, погладил по залитой кровью голове. Пасть собаки была оскалена, глаза уже подернула молочная пленка.

– Эх, Юма, Юма, – вздохнул Олег. – Хорошая была собака. Прости…

Он посмотрел на растущую рядом ель – вторая половина собаки висела на ветках, как сохнущая тряпка. На лице Олега не дрогнул ни один мускул. Он бережно снял останки Юмы с дерева.

– Я похороню тебя, как вернусь, – пообещал он.

Твердо печатая шаг, Шибаев направился за Виктором. Это было несложно – «сержант» оставлял за собой слишком заметный след, даже несмотря на дождь. Настоящие охотники так не ходят.

Но дело было даже не в походке. Даже если бы «сержант» парил в воздухе, как святой, Олег и так бы догадался, куда тот решил отправиться.

Конечно же, к берлоге. Той самой, где он его застал в день приезда.

Вскоре он остановился у огромного валуна. На нем, нахохлившись, сидел ворон.

– Кар! – хрипло выдал он, когда егерь окинул его беглым взором.

Олег остановился.

Ворон приподнял крылья, расправил их, будто красуясь перед человеком.

«Посмотри, каков я», – смеялись его круглые блестящие глаза с темно-бурой оболочкой.

– Он… там? – глухим голосом спросил егерь.

Ворон молчал, со скучающим видом уставившись на Бирюсу.

Олег сделал осторожный шаг в сторону леса, как вдруг птица резко сорвалась с камня. Злобно каркая, ворон молниеносно ринулся на опешившего егеря, сбив с его головы кепку.

– Ох ты, дьявол… – только и промолвил Олег. Он выронил топор, защищая глаза. Сделав круг, ворон поднялся в воздух и, сложив крылья, словно истребитель, вновь понесся к пожилому мужчине. Птица врезалась в голову егеря со скоростью выпущенного из пращи булыжника. Твердый, как сталь клюв глубоко рассек ему лоб. Хлынула кровь, и Олег, не удержавшись, упал.

– Вот бестия…

Он поднялся, вытирая кровь и растерянно глядя на ворона. Тот, покружив над ним, снова вернулся на камень.

– Хорошо, парень. Я все помню. Согласен, это не мое дело, – пробормотал егерь, водрузив кепку на голову. – Подожду здесь.

Где-то в чаще раздался яростный рев, за которым тут же последовал крик.

Кричал Виктор.

Москва, воскресенье, 12.48

Жираф поразил Артема.

Мальчик долго смотрел на африканское животное, открыв рот.

– А как он пьет, бабушка? – только и спросил он.

Мария Николаевна как могла, сбивчиво объяснила внуку.

Они зашагали дальше, и тут зазвонил ее мобильник.

«Наверное, Лариса», – решила пожилая женщина, открывая сумку. Однако оказалось, что это ее родная сестра, проживающая в Балашихе. Ахая и причитая, сестра сообщила, что сломала ногу.

Мария Николаевна всполошилась. Стараясь не выпускать из виду внука, она принялась расспрашивать родственницу об обстоятельствах несчастного случая. Она постепенно замедляла шаг, задавая уточняющие вопросы, и изредка морщилась, когда расстроенно-возбужденный голос сестры звучал особенно громко.

Наконец она остановилась в тени.

Артем шел вперед, мурлыкая что-то под нос. Где-то за спиной мальчик слышал голос бабушки и не сомневался, что она идет за ним и не теряет его из виду.

Впереди показались клетки с медведями, и ноги сами собой понесли к ним мальчугана. Его лицо оживилось.

Еще бы! Ведь медведи – это так здорово и интересно!

Он знал, что его старшая сестра погибла в лапах медведя. Так сказали его папа и мама. Но мальчик был уверен, что тот медведь был плохим. Или больным. Тем более его убили. А эти медведи в клетках – хорошие и добрые. И конечно, хороших медведей больше, чем плохих.

По-другому и быть не может.

Иркутская область, Тайшетский район, воскресенье, 6.51

«На крюк… орочоны надвигали старый рукав… чтобы не было видно оружия…»

Слова егеря прозвучали в сознании Виктора фантомным эхом.

Никакого старого рукава у него не было. Рваные тряпки, которыми от замотал руку, были не в счет. И разматывать их он не собирался – хоть какая, а защита от зубов, если ему удастся все же пропихнуть этот крюк в глотку лесному монстру.

Приходилось использовать то, что есть.

Медведь остановился в трех метрах от охотника и медленно надвигался на него. Разъяренный колосс, старый, но все еще очень сильный, с горящими от бешенства глазами, каждая шерстинка торчала, словно наэлектризованная игла. Когти громадных лап смахивали на перчатки Фредди Крюггера.

Виктор отступил немного назад, едва не свалившись в берлогу.

«Это не берлога. Это наша могила, папа», – зазвучал в его мозгу шепот покойной дочери.

Медведь придвинулся ближе, и Виктор выставил вперед руку с распоркой. Таежный великан приподнялся на задние лапы, разинув пасть. Между зубов тянулись нити слюны. Не обращая внимания на крюк-распорку, медведь

наклонился ближе и стремительно взмахнул правой лапой.

В последние доли секунды Виктору удалось чуть-чуть отстраниться, и лапа прошла по касательной, но все равно удар был такой силы, что мужчине показалось, будто на него упал мешок с цементом. В глазах померкло, лицо обожгла невыносимая боль.

Заворчав, медведь отодвинулся, словно любуясь проделанной работой.

Смолин упал на колени, покачнувшись всем корпусом. Левая половина лица онемела. Он поморгал, тщетно пытаясь осмотреться. Видел только правый глаз. Виктор поднял руку, чтобы ощупать повреждения, наткнувшись на теплый лоскут плоти из кожи и волос. Половина его головы была скальпирована, кожа содрана до самого подбородка, левый глаз вытек.

Хрипло дыша, он смог встать на ноги. Кровь заливала единственный глаз, но даже сквозь багровую пелену он видел маячившего в паре метров медведя.

– Иди… сюда, – прохрипел он.

Медведь оскалил пасть. Переступив лапами, он вплотную приблизился к охотнику и, словно играючи, боднул его своей шарообразной головой. Поскользнувшись на влажной от дождя и собственной крови земле, Смолин мешком свалился в берлогу.

Медведь склонился над ним. На разорванное лицо человека капнула горячая, вязкая слюна.

– Жри, – прошептал Виктор. Рука с распоркой вновь вытянулась.

Зверь нагнул голову, и его зубы сомкнулись на запястье. Хрустнула кость, Смолин взревел от новой вспышки боли. Перекушенная кисть свесилась набок, как надломленный подсолнух, наружу, белея, выпирал костяной обломок. Благодаря петле стальная распорка не выпала из разжавшихся пальцев и теперь болталась в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Приманивание, прикармливание зверя к месту предполагаемой на него охоты (прим. автора).

2

Охотничье приспособление для маскировки, выжидания и ведения стрельбы по дичи, устанавливаемое на стволе дерева.

3

Сумка для ношения убитой дичи и необходимых на охоте приспособлений (от нем. «Jagdtasche»). Обычно состоит из кожаной или парусиновой сумки с одним или несколькими отделениями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/lyudoed-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить